

В поисках тепла

Гульшат Хумай

18+

Гульшат Хумай

В поисках тепла

<https://litres.ru/74335369>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ишимбай, конец девяностых. Для семнадцатилетней Миляуши настоящий ад разворачивается не на улицах, а дома. У нее одна мечта - закончить школу и уехать из этого ада.. А пока единственным убежищем от реальности для нее стали книги и учеба. Она научилась держать удар, не плакать и рассчитывать только на себя.

Ильгизар — парень из обеспеченной семьи. Но за маской благополучия он прячет точно такую же рану, глубокое отвержение и удушающий дефицит нежности. Они как два одиночества, которые встретились, чтобы отчаянно исцелить внутреннюю пустоту друг друга. Но смогут ли они?

Ведь Миляуша — не верит, что достойна этого счастья, Илгизар не понимает всю глубину ее страхов..

Это история о том, как хрупкое чувство оказывается зажато в тиски суровой реальности, заставляя героев выбирать между эгоистичным желанием быть вместе и тяжелым, жертвенным милосердием ради спасения друг друга.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	36
Глава 5	49
Глава 6	59
Глава 7	65
Глава 8	77
Глава 9	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

В поисках тепла

Глава 1

Сентябрь 1997 года.

Хочу быть просто счастливой. Как хочет любой человек на этой земле. Чтобы меня любили. Чтобы мы были дружной, по-настоящему теплой семьей: собирались по вечерам за большим столом под уютным абажуром, пили чай из старых чашек, бесконечно смеялись и наперебой делились всем, что случилось за день.

Хочу, чтобы мама подошла ко мне, обняла за плечи и тихо, без привычного раздражения в голосе сказала: «Ты же моя единственная. Моя красивая, умная девочка». Чтобы она искренне радовалась моим успехам и с гордостью хвасталась перед соседками на лавочке: «А моя-то дочка четверть опять на одни пятерки закончила, круглая отличница!». Чтобы папа, пусть хотя бы раз в жизни, ласково похлопал по плечу и улыбнулся: «Тебя достоин только самый лучший парень на свете, Миляуша. Самый красивый, смелый и богатый».

А почему бы нет? Желать обеспеченной жизни и надежного мужа — вовсе не грех. Мне ведь не нужно дворцов. Лишь бы дома наконец пахло не застарелой сыростью, а уютом, любовью и свежей выпечкой...

Но я все прекрасно понимаю. Мое самое сокровенное, самое отчаянное желание — всего лишь глупая иллюзия, которой не суждено сбыться. Судьба почему-то выбрала для меня самый горький расклад.

Я родилась и живу на стыке двух тысячелетий. В сумасшедшую эпоху, когда рушатся старые устои, сталкиваются поколения, а привычный мир вокруг трещит по швам и катится в неизвестность. И посреди всего этого хаоса стою я — обычная девчонка с израненной душой. Кому-то повезло родиться в богатой или просто дружной семье.. Меня же на свет произвели вечно пьяный, безучастный отец и заезженная бытом мама, которая, кажется, просто разучилась любить. Злая ирония судьбы.

Конечно, если вспомнить голодающих детей в Африке, мне еще повезло. Есть крыша над головой в серой панельке, да и синюшная курица или редкий кусок мяса в супе хоть раз в неделю, но бывают. Только это почему-то совсем не утешает. Кажется, в этом тусклом мире меня сейчас вообще ничто не способно согреть — даже этот растянутый турецкий свитер.

Иногда я думаю: вот доучусь, заберу аттестат, исполнится мне восемнадцать, и я смогу навсегда сбежать из этого кошмара. Но мне до дрожи, до ледяного пота страшно заглядывать в будущее. Если за всю мою жизнь в этих стенах ничего так и не изменилось, с чего вдруг там, впереди, все резко станет хорошо?

И все же... так хочется верить. Но моя надежда слишком крошечная. Она едва теплится на ветру, будто огарок свечи, готовый вот-вот погаснуть совсем. Разве такие, как я, вообще заслуживают чуда?..

Я плетусь в школу, утопая в тоскливых мыслях и уныло шурша жухлыми, прибитыми к сырой земле листьями. Настроение окончательно портит грязное пятно на рукаве полинявшей куртки. Сколько ни терла его едким хозяйственным мылом, сколько ни стирала в тазу до кровавых мозолей на пальцах — бесполезно, въевшаяся чернота не отходит. О новой обновке даже мечтать не приходится, спасибо, что хоть эта греет. С ботинками Ситуация лучше: соседка тетя Вера отдала целый Мешок вещей, из которых выросла ее дочь. Там еще было несколько платьев, блузки, бесформенные юбки... Правда, все на пару размеров больше, на вырост. Но дареному коню в зубы не смотрят, выбирать не приходится. Я кое-где ушила, перешила пуговицы на талии, чтобы можно было хоть как-то ходить на уроки и не выглядеть совсем уж пугалом. На меня в классе и так смотрят как на нищенку, оценивают презрительными взглядами с ног до головы. Иногда из-за этого стыда вообще не хочется переступать порог школы. Но все-таки учиться я люблю. Хотя бы на полдня получаю свободу от вечных домашних скандалов и тяжелого запаха перегара. Если бы можно было, я бы вообще, в нашу квартиру, никогда не возвращалась...

Но едва за мной захлопывается массивная школьная

дверь, как на душе становится капельку легче. В душном вестибюле, у пахнущего хлоркой деревянного барьера, в своем неизменном синем сатиновом халате меня встречает вахтерша, тетя Карима:

— Привет, доченька! Не замерзла?

Человеку ведь так мало надо — всего одно доброе, не ключее слово, — Забеги ко мне на большой перемене, я пирожков с капустой принесла, в полотенце завернула, надеюсь, не остынут. Перекусишь. Ладно?

Она постоянно подкармливает меня чем-нибудь домашним. Наверное, просто жалеет, видит мою стоптанную обувь и застиранный рукав. А мне, если честно, плевать на ее жалость. Гордость гордостью, но пирожки хочется. Я торопливо кивнула: «Хорошо, спасибо», — и помчалась по выщербленным ступенькам на второй этаж, подальше от чужих любопытных глаз.

Для кого-то уроки алгебры — смертная тоска, но для меня они всегда в радость. Только в мире точных цифр все казалось правильным, логичным и понятным, в отличие от моей собственной жизни. Вот и сейчас я с нетерпением ждала звонка. Учительница как раз выводила на крашеной доске скрипучим мелом сегодняшнюю дату, когда в класс без стука решительно вошла наша классная руководительница, Минзая Альбертовна. А следом за ней — ОН. Новенький.

Парень шагал уверенно, вальяжно, даже как-то по-хозяйски дерзко. Сказать про него «мальчик» язык не поворачи-

вался. Настоящий мужчина, девчонки, красивый такой, аж дыхание перехватило! Ну да, в семнадцать лет мальчиками уже не бывают. Перекинув через плечо плотный заграничный рюкзак, он небрежно держал в руке тяжелую кожаную куртку — вещь по нашим временам невероятно статусную, пахнущую большими деньгами и заграничным парфюмом.

— Знакомьтесь, это Ильгизар, — объявила классная, обведя класс строгим взглядом. — Перевелся к нам из Салавата. Прошу любить и жаловать.

Новенький едва заметно кивнул вместо приветствия. Он окинул затихший кабинет холодным, оценивающим взглядом, от которого у меня по коже пробежали мурашки, и направился к свободной парте на заднем ряду. Не спеша, словно делая всем нам одолжение, достал толстую общую тетрадь.

Вы, наверное, сочтете меня ненормальной, но стоит мне увидеть симпатичного парня, как сердце тут же ухает куда-то в пятки, пропуская удары. Я влюбляюсь мгновенно. И, конечно, всегда безответно. Ну а кто вообще посмотрит на такое серое чучело, как я, в моей ушитой одежде? Ни в первый раз, ни в сотый, никогда... О моих чувствах никто и никогда не узнает, я умею молчать и прятать глаза. Просто сгораю изнутри, мучаюсь, страдаю и втайне восхищаюсь чужой недостижимой идеальной жизнью.

В нашем классе таких статных парней можно по пальцам пересчитать. Айбулат, кстати, один из них. Мы сидим за од-

ной партией, его даже можно назвать моим единственным настоящим другом. В него, в принципе, тоже можно было бы влюбиться, но он такой зануда... Слишком интеллигентный, вечно погруженный в свои исторические книжки и чертежи. А девичьей душе хочется огня, опасности, чего-то по-настоящему безумного! Мы, девчонки, почему-то всегда западаем на хулиганов. Вот почему так устроено, а? По крайней мере, мне нравятся именно такие — отчаянные, дерзкие, чтобы вокруг них искры летели. Чтобы каждым своим жестом, каждым небрежным движением он показывал, что всегда готов меня защитить и никого не боится. Мой идеальный парень должен быть именно таким. Наверное, все потому, что в этой суровой реальности меня защитить совершенно никому. А мне до слез, до дрожи хочется, чтобы рядом был кто-то сильный. Тот, кто будет готов ради меня пойти на все.

Эх, остается только мечтать. Ну кто влюбится в такую замухрышку, как я? На мне даже одежды нормальной нет, а другие девчонки вон как наряжаются — яркие, пахнущие сладкими дезодорантами, будто сошедшие с глянцевого страниц «Cool Girl». Я же вечно рада чужим обноскам из клетчатых челночных сумок. Наша семья, наверное, самая бедная в классе. Уф, ну за что мне досталась такая судьба? Вдобавок ко всему дома вечный кошмар из-за отца. Одно это уже опускает меня в глазах окружающих на самое дно. И какой толк от того, что я отлично учусь? В первую очередь все всегда смотрят на то, в какой куртке ты ходишь, кто твои роди-

тели и сколько у них денег. Против лома нет приема, как у нас во дворе говорят...

Я насильно прогоняю эти тоскливые мысли и пытаюсь сосредоточиться на монотонном голосе учительницы. Краями глаз поглядываю на задний ряд, на Ильгизара, который вальяжно откинулся на спинку стула. Нереально стильный парень, девчонки от него точно с ума сойдут. На нем крутой джинсовый костюм-двойка, а под расстегнутой курткой — белоснежная футболка с ярким импортным принтом. На ногах — тяжелые кроссовки на модной толстой подошве. Такие у нас на вещевом рынке, на картонках за ширмой, целое состояние стоят. Эх, живут же люди...

Вдруг он тоже поднял голову и посмотрел прямо на меня. О боже... У него оказался такой глубокий, темный взгляд, в котором будто поместилась вся бездонная вселенная. Я просто оцепенела, застыв с ручкой в руке, и несколько секунд физически не могла отвести глаз. И тут он внезапно, едва заметно для остальных, улыбнулся уголком губ и подмигнул мне!

Почувствовав, как щеки мгновенно вспыхнули пунцовым пожаром, я резко отвернулась. Какой позор! Сердце испуганной птицей забилося где-то в горле. Чтобы никто в классе ничего не заметил, я низко, почти до самого стола, опустила голову над тетрадью в клеточку. Наверное, он подумал: «Что за серое чучело на меня так вылупилось?».

Айбулат тут же толкнул меня локтем в бок, внимательно

всматриваясь в мое пунцовое лицо и без слов спрашивая: «Что случилось?».

— Ничего! — едва слышно, одними губами прошептала я в ответ, утыкаясь взглядом в строчки с синусами.

— Миляуша! А ну-ка к доске. Покажи остальным, как решать эту задачу.

Попала, черт возьми... Вот именно сейчас, когда мне хотелось провалиться сквозь землю, надо было меня вызвать! Нет, отвечать у доски я никогда не боялась — формулы меня не пугали. Просто жутко не хотелось оказываться под прицелом тридцати пар глаз на глазах у новенького.

Я судорожно одернула слишком широкую в талии юбку и поднялась с места, чувствуя спиной тяжелый, немигающий взгляд Ильгизара. Стараясь не выдать дрожь в пальцах, я перехватила кусок известкового мела. Рука действовала сама: быстро, в несколько гулких щелчков я расправилась со сложным учительским примером и, не оборачиваясь на класс, почти убежала на свое место за парту.

— Правильно! — Зульфия Хабировна качнула головой. — Но если бы ты хоть немного объясняла ход мыслей, Миляуша, было бы куда лучше. Ладно, ребята, переписывайте пример. Дальше решаем номера с правой стороны доски. Кто закончит, несите тетради на проверку.

Класс уныло зашуршал страницами потрепанных учебников. Как обычно, я расколола все задания первой. Сразу за мной закончил Айбулат. Я поднялась и отнесла свою тетрадь-

ку к учительскому столу.

— Молодец! — похвалила Зульфия Хабировна и размашисто вывела на полях алую пятерку. Потом посмотрела на меня поверх очков и тихо вздохнула: — И в кого ты у нас такая умница?..

Внутри у меня все болезненно сжалось. Она ведь прекрасно знает, в каких условиях я живу и какие у меня родители. Чему она каждый раз удивляется? Дочь опустившегося человека не имеет права хорошо учиться? Другие учителя в школе тоже вечно диву даются: я ведь по всем предметам иду на одни пятерки. Учеба дается мне легко, без зубрежки, но в классе эта моя «правильность» многих откровенно бесит. При каждом удобном случае меня пытаются уколоть или демонстративно толкнуть плечом в коридоре. А уж то, что Айбулат сидит со мной за одной партой, некоторые мне вообще простить не могут.

Особенно Алия — одна из королев класса. Она из крутой, обеспеченной семьи, ее отец ворочает большими деньгами. Все, что сейчас считается последним криком моды, мы узнаем исключительно по ее вещам: от нее вечно пахнет жвачкой, а на плече красуется модный рюкзак. В нее повально влюблены многие пацаны из параллели. Кроме Айбулата. Из-за этого она исходит бешеной завистью. Я даже просила его пересесть к кому-нибудь другому, чтобы меня оставили в покое, но он наотрез отказался: “А с кем мне обсуждать книги?». Мы ведь оба книжные черви.

Но, если честно, я безумно устала от вечных нападков Алии и ее прихвостней. Руки они, слава богу, не распускают, но при любой возможности зажимают меня на переменах в туалете или тащат за школу «на разборки». Их шипение до сих пор стоит в ушах: «Ты вообще кем себя возомнила, нищенка?», «Думаешь, если отличница, то можно нос задирать?», «Еще и на Айбулата свой рот разинула!».

Мало того, что дома вечно унижают, так еще и в школе прохода не дают. Какая же несправедливая штука — жизнь...

Я ведь пытаюсь объяснить этим девчонкам, что не влюблена в Айбулата. Только все без толку, слушать они не хотят. Не могу же я нарочно начать получать двойки просто потому, что моя успеваемость их бесит? Учеба — мой единственный щит, моя единственная броня. У меня ведь в этом мире, кроме меня самой, никого нет. Родителям я давно не нужна, они заняты своими разборками. И если я хочу однажды вырваться из этого домашнего ада, мне нужно во что бы то ни стало выучиться, поступить в институт на бюджет и зацепиться за хоть какую-то нормальную работу. Пока это лишь зыбкие мечты. Я и сама порой сомневаюсь, что они сбудутся, но цепляюсь за них из последних, самых крайних сил. Мне просто нельзя потерять себя. Неужели я не заслужила хотя бы капли обычного человеческого счастья?

Остальные уроки прошли как в тумане. Я сидела рассеянная, ходила по коридорам словно пыльным мешком при-

битая. Ни с кем не хотелось разговаривать, даже от Айбулата на переменах пряталась, уходя в самый конец коридора. Хорошо, что другие учителя сегодня меня не дергали к доске. Наконец дребезжащий звонок пронзительно объявил об окончании последнего урока. Я только этого и ждала: махом сгребла учебники с тетрадями в свою растрепанную челночную сумку и пулей выскочила из кабинета.

— Миляуша, подожди!.. — донесся до меня вдогонку растерянный голос Айбулата.

Но в тот момент мне хотелось только одного — сбежать, раствориться.

Меня обувь около гардероба, я глянула в окно. Кажется, дождь пошел? Зонта у меня с собой нет, придется мокнуть. Ждать, пока утихнет, времени тоже нет: на мне сегодня готовка обеда. Родителей дома нет, утром они сквозь сон буркнули, что вернутся затемно. Интересно, Булат уже дома?

Ладно, промокну так промокну, не сахарная — не растаю. Я толкнула тяжелую, обитую дерматином школьную дверь и шагнула на крыльцо. Навстречу рванул глухой, сбивающий с ног шум осеннего ливня. Когда я была маленькой, то свято верила, что дождь — это слезы неба. Искренне переживала за него, гадала: обидел его кто-то большой и злой, что ли? А как пошла в школу, учительница рассказала нам про круговорот воды в природе. Обычная физика. Никаких чувств. Так я потеряла своего единственного товарища по несчастью на небесах. Раньше во время грозы я хотя бы не чувствовала

себя такой одинокой в своей беде. Скажете, дурочка?... Дурочка и есть.

Наверное, именно такой проливной дождь мне сегодня и был нужен... На душе почему-то было невыразимо, до глухой боли тоскливо. Я решительно шагнула с крыльца прямо под ледяной ливень. Крупные, тяжелые, как горошины, капли хлестко заплесали по лицу. А я даже не думала спешить, упрямо подставляя этим каплям. Интересно, со стороны человек, который просто так стоит посреди двора под проливным дождем, кажется сумасшедшим? Да какая мне разница... Наперекор собственному страху, в груди вдруг родилось одно отчаянное желание... Внезапно раствориться в этой осенней хлыни. Стать невидимкой в этих бесчисленных каплях, потеряться и просто исчезнуть для всех хотя бы на миг! Вспомнит ли кто обо мне?..

...Вдруг над самой головой что-то резко, оглушительно щелкнуло, и барабанившие по макушке капли в один миг прекратились. Вокруг меня все так же шумела стена воды, но надо мной образовался сухой купол. На автомате я подняла голову вверх. Батюшки, да надо мной огромный черный зонт! Не понимая, что происходит, я испуганно и резко обернулась.

— Людские насмешки собираешь? На, держи!

Голос, который грубовато, почти насильно вложил в мою онемевшую ладонь холодную пластиковую ручку зонта-автомата и тут же зашагал прочь, принадлежал моему новому

однокласснику. Парню, от чьей недостижимой красоты я потеряла дар речи при первой же встрече в классе. Это был Ильгизар.

Глава 2

Проснулась я с огромным трудом, едва заставила себя сползти с кровати. Ломило все тело, дико ныла спина. Вчера мне снова знатно влетело... Засиделась в читальном зале библиотеки, называется. Стоит мне закопаться в какую-нибудь интересную книгу, как я напрочь забываю обо всем на свете. Короткий глоток свободы, за который приходится дорого платить. Сама виновата, ведь весь быт и порядок в доме мертвым грузом держатся на мне. На домашку времени и сил совсем не осталось. Придется бежать в школу на полчаса раньше, чтобы успеть доделать ее на подоконнике до начала первого урока.

Я бесшумно, стараясь не скрипеть половицами, оделась и принялась расталкивать Булата. Брат, как обычно, только раздраженно отмахнулся и натянул одеяло на нос.

— Да вставай ты, соня! — зашептала я, тряся его за плечо. — И так кучу уроков прогулял, на второй год ведь оставят...

После этого весомого аргумента он нехотя, со стоном, но все же начал подниматься. На второй год ему точно не хотелось — кому охота терять пацанов со двора и становиться посмешищем? Голова-то у Булата соображает отлично, если бы захотел, учился бы не хуже меня. Задачки тоже как орехи щелкает. Но лень вперед него родилась, а мама в нем души

не чаёт и слова поперек никогда не скажет.

— Ладно, я побежала. Ты давай не опаздывай, слышишь?

Нужно было поскорее уносить ноги из квартиры, пока не проснулись родители и не начался очередной утренний разбор полетов. Я отрезала от буханки два серых ломтя хлеба, сунула их в кулак — перекушу прямо на ходу. Засунув один кусок в рот и на ходу пережевывая, я натянула куртку и тихонько приоткрыла входную дверь.

Уже на лестничной площадке, пахнувшей сыростью из подвала и дешевым табаком, я ненадолго примостилась на ступеньке. Судорожно дергая заедающий замок на старом ботинке, я вдруг заметила в пролете между этажами Ильгизара. Он неспешно, с чисто пацанской развязностью спускался сверху.

Да-да, это была какая-то злая ирония судьбы. Выяснилось, что мой новый одноклассник живет со мной не просто в одной серой панельке, а в одном подъезде! Еще в тот дождливый день, когда мы шли из школы, я краем глаза заметила, что он идет в ту же сторону. Отдал мне свой дорогой зонт и, даже не накинув капюшон, зашагал под хлещущий сентябрьский ливень. А я так и осталась стоять посреди двора с разинутым ртом. Тот черный автомат я ему до сих пор не вернула, хоть он и лежал у меня в челночной сумке, бережно завернутый в пакет. Все караулила удобный момент, чтобы отдать без лишних глаз и шушуканья за спиной. Да только случая все не выпадало, так и таскала его с собой каждый

день как лишний груз...

В полумраке подъезда, под тусклым светом голой лампочки, я испуганно следила за парнем. Он размеренно, ступенька за ступенькой, приближался к моему этажу. Проклятье, ну почему он вечно попадаетея мне в самые неподходящие, самые позорные моменты? Кого угодно, но почему именно его судьба поселила в мой подъезд? Теперь он каждый день будет видеть изнанку моей жизни. Какой стыд... Ведь отец вечно в непотребном виде ошивается у крыльца, а мамин злой крик через тонкие двери разносится по всем этажам. Ладно, что уж теперь поделаешь. Иного выхода все равно нет.

Мы не общаемся. Даже не здороваемся. И все же моя глупая, наивная душа отчаянно тянется к нему. Так хочется разбить этот лед, растопить его глухую, колючую холодность. Сама не заметила, как втрескалась в него — до чего же он красивый, просто умопомрачительно. А ведь я уже говорила: стоит мне увидеть симпатичного парня, как мгновенно теряю голову. А у Ильгизара такой взгляд, будто он видит меня насквозь, вместе со всеми моими застиранными обносками и домашними склоками. Я рядом с ним словно под гипнозом. Но в том, что мы живем в одной панельке, нашелся неожиданный плюс: теперь я вижу его часто. Вот только заговорить с ним не смею, язык не поворачивается. Он кажется резким, грубым, да и с одноклассниками держится особняком. Значит, дело не во мне, он со всеми такой. И это хоть

немного, но утешает мое уязвленное самолюбие.

Из душного подъезда мы вышли один за другим, разделенные парой шагов. Конец сентября в этом году выдался на редкость промозглым и дождливым. Повсюду разлились огромные, черные лужи, отражающие хмурое утреннее небо. Вот и прямо перед нашим крыльцом раскинулось целое море Единственный способ выбраться со двора и не зачерпнуть полные ботинки ледяной воды — пройти по узкому, скользкому бордюру. В такие моменты чувствуешь себя цирковым канатоходцем: один неверный шаг, малейшая потеря равновесия — и ты по колено в грязи. Я как-то в прошлом году уже шмякнулась так. Пришлось возвращаться в квартиру, переодеваться, да еще и от мамы досталось так, что уши горели.

Эх, подальше от греха. Я аккуратно, затаив дыхание, наступила на узкую бетонную полосу. Нужно было преодолеть всего каких-то несчастных два метра. Я делала осторожные, короткие шаги, балансируя руками из стороны в сторону. Только бы не упасть, только бы удержаться! Спина после вчерашнего отчаянно ныла, сердце колотилось где-то в горле, а тут еще Ильгизар шел следом, буквально дыша в затылок. Из-за его присутствия я волновалась в сто раз сильнее, колени дрожали. Ну почему ему нужно было выйти из дома именно сейчас? Остался всего один шаг, последний рывок до сухого пятачка асфальта. И в самое последнее мгновение левая подошва предательски соскользнула с мокрого бордюра... Бедному да вору всякая одежда впору, а к нашему бере-

гу только щепки плывут — правы все-таки люди, не видать мне удачи.

В ту же секунду, когда я уже приготовилась к жесткому удару и потоку грязных брызг, чьи-то сильные пальцы намертво перехватили меня за предплечье, рванув вверх и удерживая на весу. Ну конечно, кто же еще — Ильгизар. Спасая меня, он сам со всего маху, не разбирая дороги, наступил белоснежными кроссовками прямо в центр глубокой лужи. Грязная вода волной плеснула по его джинсам. Мы на короткое, остановившееся мгновение встретились взглядами. Лицо Ильгизара было совсем близко, я почувствовала тонкий запах его одеколona. Я промолчала, дыша через раз. Он тоже не издал ни звука, лишь сурово свел брови к переносице. Поспешно соскочив с бордюра на сухую дорожку, я судорожно выдернула свою руку из его хватки и быстрым, почти паническим шагом припустила в сторону школы. Даже обернуться не посмела от жгучего стыда. Только услышала за спиной, как снова со скрипом и грохотом захлопнулась дверь нашего подъезда. Он все-таки был вынужден вернуться домой — после того, как прыгнул в ледяную воду ради такой замухрышки, как я.

Школьный звонок пронзительно надрывался, объявляя об окончании последнего урока. Но уйти никому не дали — классная руководительница, Минзалия Альбертовна, хлопнула ладонью по учительскому столу и попросила всех остать-

ся. Она объявила, что решила пересадить класс: отличников — к отстающим, чтобы подтянуть успеваемость..

В кабинете поднялся глухой, недовольный гул. Учительница достала из папки исписанный от руки листок. Имена в полумраке класса звучали одно за другим, ребята нехотя перетаскивали свои сумки, со скрипом двигая деревянные стулья по затертому линолеуму.

— Так, Айбулат. Ты пересаживаешься к Алие.

Та от радости чуть ли не в ладоши захлопала, победно зыркнув в мою сторону и демонстративно поправляя на плечах очередной модный джемпер. Я сидела ни жива ни мертва, судорожно сжимая ручку своей растрепанной сумки: кто же достанется мне? Сердце колотилось так, что казалось, его стук слышен на первой парте.

— Миляуша... и Ильгизар. Будете сидеть вместе.

По классу прошел шепоток. Ильгизар, который весь день сидел на заднем ряду мрачнее тучи — куртка на его стуле все еще казалась влажной после утреннего ливня, — медленно поднял голову.

— Да, Ильгизар, — строго добавила классная, поправляя на носу роговые очки. — Вещи на тебе, конечно, фирменные, дорогие, а вот учеба, судя по выписке из прошлой школы, явно хромает. Отец твой очень просил держать тебя под строгим контролем.

В кабинете на секунду повисла звенящая тишина. Слышно было только, как за окном крупные сентябрьские капли с

размаху бьются о жестяной отлив. Ильгизар лишь равнодушно хмыкнул, всем своим видом показывая, что ему глубоко плевать и на списки, и на чужой контроль. Он лениво откинулся на спинку стула и уставился в окно, где среди серых панелек кружил мокрый листопад.

Ну почему судьба упрямо связывает меня именно с ним? Мало того, что мы живем в одном подъезде, теперь еще придется делить одну парту. И все же какая-то часть моей души радовалась и безумно ликовала: парень, который мне так сильно нравился, теперь будет сидеть совсем рядом.

Я подхватила свою растрепанную сумку и несмело перебралась на его задний ряд. От такой близости меня то бросало в жар, то обдавало холодом. Только бы лицо снова не вспыхнуло пунцовым пожаром, только бы не выдать себя!...

Учительница еще минут пятнадцать монотонно рассуждала об общем уровне знаний в классе. В сотый раз напоминала, что этот год для нас выпускной, и заставляла заранее переживать об оценках в аттестате и выпускных экзаменах. Впрочем, каждый преподаватель при любом удобном случае талдычил нам ровно то же самое. Эта бесконечная, заезженная пластинка уже откровенно утомляла.

— Ну ладно, на сегодня все, можете быть свободны, — наконец подвела черту Минзалия Альбертовна. — И намотайте на ус все, что я вам сегодня сказала.

Одноклассники шумно повскакали с мест и гурьбой ринулись к дверям. Я намеренно тянула время, решив выходить

самой последней. Спина после вчерашнего отчаянно ныла, я жутко боялась, что в гардеробной давке меня кто-нибудь случайно толкнет. Из-за этого страха я все уроки просидела замерев, боясь лишний раз пошевелиться. Стоило слегка наклониться, как боль накатывала с новой силой, а к глазам подступали жгучие слезы. Но я привычно стискивала зубы и терпела. Меньше всего мне хотелось, чтобы кто-то в школе заметил мою слабость.

Вот, наконец, поднялся со стула и Ильгизар. Я краем глаза выжидала, пока он выйдет из класса. И надо же было такому случиться — прямо в этот момент шариковая ручка выскользнула из моих пальцев и с глухим стуком покатилась по полу. На автомате я потянулась за ней вниз.

В ту же секунду в поясницу будто вонзились сотни раскаленных игл. От неожиданной вспышки боли я не сдержалась и тихо, жалобно застонала на весь опустевший класс.

Ильгизар, который уже дошел до самой двери, резко замер и обернулся. А я, преодолевая эту жгучую, невыносимую боль, кое-как подняла с пола проклятую ручку.

То, что свидетелем позора стал именно Ильгизар, уязвило меня сильнее всего. Мне до безумия хотелось закричать ему прямо в лицо: «Ну и чего уставился? Иди куда шел!». К глазам жгуче подступили слезы. Меньше всего на свете мне хотелось казаться беспомощной и слабой именно перед ним.

А он лишь странно, как-то испытующе посмотрел на меня пару секунд, развернулся и вышел из кабинета. Я шумно, с

облегчением выдохнула. Его жалость мне даром не нужна. Мне нужно было совсем другое... Желание глупое, несбыточное, которому никогда не суждено исполниться... Но уж точно я не стану просить о жалости. Ни его, ни кого-то другого.

Когда я наконец вышла на крыльцо, Ильгизара во дворе уже не было видно. Очередной раз вздохнув с облегчением, я побрела домой своим привычным маршрутом. По пути ровной линией тянулись одинаковые серые пятиэтажки. Кое-где дома стояли так близко друг к другу, что между ними оставался лишь узкий проход в полметра — между дворами. Я шла, не глядя по сторонам, и свернула в этот зажатый стенами проулок.

Уткнувшись взглядом под ноги, я сделала пару шагов и со всего маху врезалась лбом в чью-то широкую грудь. От неожиданности я испуганно качнулась назад, теряя равновесие, но незнакомец мгновенно и крепко перехватил меня за рукав куртки, не дав упасть на холодный асфальт.

— Миляуша, ну почему ты на каждом шагу падаешь, а?

От резкого движения с моей головы слетел капюшон. Передо мной, во весь рот улыбаясь, стоял Ильгизар. Его легкая, беззаботная манера общаться, будто ничего не произошло, мгновенно всколыхнула во мне волну глухой обиды и злости.

— А тебе-то какое дело? — огрызнулась я.

Никогда бы не подумала, что мои первые слова парню, в которого я тайно влюблена, прозвучат настолько грубо. Ко-

лени предательски дрожали. Кажется, я и правда сейчас рухну от усталости и волнения.

— Как это какое дело? — Ильгизар усмехнулся. — Я спас тебя от лужи, промок насквозь, пришлось домой возвращаться одежду и обувь менять. А ты мне даже «спасибо» не выдала...

— Спасибо. — буркнула я, пряча глаза. — Доволен? Вообще-то тебя никто не просил меня спасать.

Я попыталась обойти его и протиснуться вперед, но он даже не шелохнулся, перекрыв своим широким плечистым силуэтом весь узкий проход между панельками.

— А зонт? Зонтик мой вернуть не собираешься?

Точно, зонт... Я судорожно расстегнула молнию сумки, нащупала его на самом дне и протянула ему. Ильгизар небрежно покрутил его в руках и засунул в свой рюкзак.

— Ты, кажется, меня недолюбливаешь, — заговорил он тише, внимательно вглядываясь в мое лицо. — Мы ведь теперь за одной партой сидим, а ты со мной даже словом не обмолвилась... Классная ведь тебя ко мне посадила, чтобы ты мне помогала, разве не так?

Вот тебе и на... Как из старого рта да новые слова, как у нас говорят. Ильгизар хочет со мной общаться?

От этой неожиданной мысли мне захотелось как можно скорее сбежать, раствориться в осеннем тумане. Его опасная близость сбивала с толку, заставляя кровь бешено бурлить в венах. Сердце колотилось так отчаянно, что я до дрожи боя-

лась одного: он заметит, он догадается, что я неровно дышу рядом с ним

«Нет, я просто...»

Не могу же я сказать ему правду! Сказать, что на самом деле он мне безумно, до беспамятства нравится. Казалось, от собственного страха сейчас голова кругом пойдет. Я боялась даже поднять на него глаза. Как только я взгляну в его темную вселенную, как он в тот же миг все поймет. Разглядит мою затаенную, безответную влюбленность... Нет, ни за что на свете нельзя этого допустить. Он же поднимет меня на смех, и я стану всеобщим посмешищем. Оказаться оплеванной и униженной еще и им — этого я просто не переживу.

А Ильгизар упрямо стоял напротив, преграждая путь, и ждал моего ответа. С трудом сглотнув подступивший к горлу ком, я попыталась придать голосу максимум ледяного спокойствия и равнодушия:

— Ладно, раз уж нас посадили вместе, давай попробуем общаться. Тебе нужна помощь по урокам? Ты скажи, какой предмет для тебя самый сложный?

— Раз уж к слову пришлось... — парень небрежно качнул головой, пряча руки в карманы джинсовки. — Если поможешь с алгеброй, будет здорово. А то почему ты на уроках вечно сидишь ко мне спиной, как каменная... Вот я и думаю, какую такую пакость успел тебе сделать?

Надо же. Наш школьный молчун, которого все считали грубым и нелюдимым, оказывается, умеет разговаривать по-

человечески. Только меня это открытие совершенно не радовало. Наоборот, когда он молчал и держался особняком, мне было в разы легче справляться со своими чувствами. А теперь мы за одной партой. Придется изо дня в день общаться с ним, сидеть плечом к плечу и как-то контролировать каждый свой вдох, каждый взгляд, чтобы не выдать эту позорную тайну... Я смотрела на его безупречное лицо и понимала: эта задача мне явно не под силу. О боже, ну и что мне теперь делать?!

Глава 3

Выходные я просто терпеть не могу. Из-за того, что приходится целый день сидеть дома. Чтобы куда-то уйти, нужен хоть какой-то повод, а его нет. И вроде воскресенье, а выспаться все равно не дают. Мама поднимает спозаранку: “Хватит спать!” — и сразу нагружает какой-нибудь работой. Обычно на мне стирка, причем все вручную. А за неделю грязной одежды накапливается целая гора. На это уходит полдня, от постоянного трения руки стираются в кровь. И не дай бог плохо отстираешь — сразу прилетит скалкой... Придётся и передохнуть нельзя ни минуты: мама нытиков вообще не переваривает.

Но если не я, то стирать больше некому. Мама и так пашет как проклятая, чтобы заработать хоть какую-то копейку. Помимо основной работы санитаркой, постоянно пропадает на подработках — кому-то стены побелит, кому-то обои поклеит. Я все понимаю, она занята, ей тоже несладко...

Но неужели я не заслужила нормального, человеческого отношения? Я ведь ее родная дочь. Она носила меня девять месяцев, кормила молоком — неужели к своему ребенку нет ни капли любви и нежности? В одной книжке я читала, что материнский инстинкт заложен в женщинах самой природой. Получается, у моей мамы его просто нет? Почему при

каждом удобном случае она бросается на меня со скалкой? Иногда и кулаком прилетает, или ремнем. Что под руку попадется, то в меня и летит. Неужели ей совсем меня не жалко? Неужели она не думает, что мне больно?

— Мама, не надо, не бей, — умоляю я ее иногда... Но от этих слов все только хуже, она начинает бить еще сильнее. Ладно хоть по лицу не бьет — не хватало еще с синяками перед людьми позориться. Рассказать об этом кому-то я не решаюсь. Да и кто мне поможет? Всем до меня нет дела. Да и как расскажешь — мама ведь, какая бы она ни была...

Поэтому я изо всех сил стараюсь ее не злить. Вот только предугадать ее настроение просто невозможно. Она вспыхивает за одну секунду, а остывает потом очень долго.

Когда отец дома, он либо спит пьяный, либо ходит и бормочет что-то себе под нос. Или они с мамой начинают ругаться. Если бы в такие моменты я могла уйти из дома, было бы здорово. Но чаще всего приходится забиваться в самый угол кровати в комнате, сжиматься в комок и сидеть так, боясь даже вздохнуть.

Впрочем, даже так спрятаться не всегда удается. Когда мама в ярости, она ходит из комнаты в комнату и обязательно найдет к чему придраться... Ладно еще, если просто накричит и уйдет.

Конечно, бьют меня не каждый день, бывают и относительно спокойные дни. Но это спокойствие всегда похоже на затишье перед бурей...

Вот и сегодня я с самого утра вожусь с домашними делами. Спина и руки уже ломят, к тому же я ужасно проголодалась. Но пока не закончу работу, поесть мне никто не даст. Пока все прополощу, пока развешу — пройдет еще целый час. А в животе уже вовсю урчит. Я и так кожа да кости. Когда к нам в школу приходит педиатр, то и дело твердит: “У тебя дефицит веса, нужно больше есть.” “Ела бы я, если бы меня кормили”, — отвечаю я ей мысленно.

Булат снова где-то пропадает с друзьями, вот уж кому жить в кайф. Отец с утра был трезвым, не пьет уже пару дней. В такое время он почему-то пугает меня еще сильнее. Сидит молча и только исподлобья на всех волком смотрит.

Мама сегодня, кажется, картошку сварила, такой запах идет... Вчера она принесла коровьи кишки, весь вечер варила их, по дому стоял жуткий запах. Но хоть я этот запах и терпеть не могу, жареные потроха с картошкой — это самое вкусное! Хоть бы мне оставили... Отец не любит, когда мы, дети, сидим за столом вместе с ним. Нам разрешают поесть только после того, как наестся он. Булату мама всегда припрятывает его долю, а мне — как повезет, если останется, то останется, а нет — так нет...

Ну вот, наконец-то последняя вещь висит на веревке. Я облегченно вздохнула. Теперь бы перекусить на скорую руку и почитать книжку... Если только мама снова не придумает мне какое-нибудь занятие. Нет, дома торчать не хочется, надо выбраться на свежий воздух. На дворе ведь бабье лето. Я

особенно люблю эту пору осени. Может, взять книгу и пойти в парк? Да, точно, так и сделаю. Так, надену вот эти брюки, этот шерстяной кофтец, а куртку, пожалуй, брать не буду — не замерзну. Сунула книжку подмышку, спрятала ключ от квартиры в щель под дверью и выбежала на улицу.

У осеннего воздуха свой, особенный запах. Он пахнет опавшей листвой. Оголившиеся деревья все-таки навевают тоску. А листья, разлучившиеся с родной веткой, мне почему-то тоже жалко. Их жизнь длится всего одно лето. На следующий год они сгниют и превратятся в землю. Таков закон природы. Если задуматься, когда-нибудь и я умру. И я уйду вглубь земли. В этом мире нет бессмертных. Даже Солнце когда-нибудь погаснет. Земной шар исчезнет, и сможет ли человечество от этого спастись? Почему-то я переживаю за поколения, которые будут жить через миллиард лет. А обо мне кто в итоге позаботится? Эх, да пропади оно все пропадом что ли...

Я нашла в парке свободную скамейку и открыла книгу. Что я читаю? Про приключения одной дамы по имени Анжелика. Безумно интересно. В городской библиотеке она мне случайно на глаза попала, и теперь вот оторваться не могу. О любви ведь. Любви между Жоффреем де Пейраком и Анжеликой даже сам король завидует. У графа полно недоброжелателей. Я уже испереживалась вся за них, а за Анжелику — особенно. Когда читала, как ее изнасиловал жандарм, плакала навзрыд. Надо же так убиваться из-за выдуманно-

го персонажа. До конца книги осталось совсем немного, но у этой истории оказалось есть продолжение. Библиотекарша сказала, что оно пока на руках.

На улице так тепло. Октябрьское солнце сегодня прямо щедрое. Я зажмурилась и подставила лицо его лучам. Надо напиться хотя бы этим теплом, на другое-то надеяться не приходится. В этот момент перед глазами резко потемнело. Странно, на небе ведь ни облачка. Я открыла глаза, сперва даже не понимая, что передо мной стоит Ильгизар... Вот кто, оказывается, украл мое солнце .

От неожиданности я вздрогнула, и книга выпала из рук прямо на землю.

— Ну и напугал ты меня! — воскликнула я, прижимая руки к груди. — Разве так можно?

Ильгизар не спеша наклонился и поднял мою книгу, смахнув с обложки сухую траву.

— Анжелика — маркиза ангелов ? — прочитал он вслух, и в его голосе промелькнула едва заметная усмешка.

— Отдай сюда! — я протянула руку, чувствуя, как краснею.

— Отдам, не переживай, чего ты разволновалась?

Он протянул мне книгу, но не выпустил из рук сразу, заставив меня потянуть ее на себя.

— Значит, читать любишь... — протянул он, разглядывая меня с каким-то странным любопытством.

— Да, а что, нельзя? — я с вызовом вскинула подбородок.

— Можно, почему нельзя... — Ильгизар сунул руки в карманы куртки и слегка переступил с ноги на ногу. — А ты знаешь, что про Анжелику есть еще несколько книг?

— Знаю, — буркнула я, прижимая роман к себе, словно щит. — А ты откуда знаешь? Ты как-то не похож на любителя книг...

— Почему ты так думаешь? — он чуть прищурился, и его улыбка стала шире. — Ты ведь меня совсем не знаешь.

— Ну... ты же учишься плохо, — выпалила я, сразу пожалев о своей резкости.

Ильгизар только шире улыбнулся. А мне почему-то стало жутко неловко. Ну вот зачем он снова вырос у меня на пути? Рядом с ним я чувствую себя какой-то сорной травой.

— А я это специально, — подмигнул он. — Захотел бы — учился бы на одни пятерки.

— И зачем тогда притворяться?..

— Много будешь знать — скоро состаришься, — он вдруг протянул руку и легко щелкнул меня по носу.

— Эй, ты чего творишь! — я возмущенно отшатнулась, потирая нос.

— Хочешь, кое-что скажу? Обалдеешь!

Ильгизар без лишних церемоний уселся на скамейку прямо со мной рядом. От такой наглости у меня аж кровь к голове прилила, а сердце застучало где-то в горле. Что еще он задумал?

— У нас дома есть вообще все книги про Анжелику, —

он заглянул мне в глаза. — Хочешь... подарю?

Я так и застыла, хлопая ресницами и не зная, что ответить.

— Правда? — наконец выдавила я. — Да ты просто издеваешься!

— Не-а, не издеваюсь, — Ильгизар беспечно закинул руку на спинку скамьи за моей спиной. — Я их вообще выбросить собирался, а тут ты...

— Да ну тебя, чем тебе книги-то помешали?

Мой вопрос так и повис в воздухе — он пропустил его мимо ушей.

— Так ты скажи: нужны они тебе или нет?

— Нужны, конечно! Пожалуйста, не выбрасывай их! — у меня даже дыхание перехватило от предвкушения, но тут я вспомнила про дом и осеклась. — Только... давай ты лучше сюда их принесешь? Мне просто пока совсем не хочется возвращаться...

— Это еще почему? — Ильгизар удивленно приподнял бровь.

— Много будешь знать — скоро состаришься! — победно улыбнулась я, утерев ему нос его же фразой.

Я открыла книгу и принялась пристально разглядывать страницу, делая вид, будто судорожно ищу, где остановилась. У каждого ведь есть вопросы, на которые совсем не хочется отвечать

Глава 4

Я уже сто лет так ничему не радовалась! Вся серия романов Анн и Серж Голон о приключениях Анжелики теперь у меня. И ведь мне ее подарил сам Ильгизар. Сказал же — выбросить собирался... А причину так и не объяснил. Интересно, какие еще книги у него есть? Эх, надо будет как-нибудь при случае расспросить его.

Вот только куда мне теперь пристроить все это богатство, что лежит передо мной? Домашним показывать эти книги ни в коем случае нельзя, особенно Булату. Он их либо продаст, либо выменяет на какую-нибудь ерунду. Он уже так несколько моих библиотечных книг куда-то сплавил, я за них до сих пор должником числюсь... Да и мама может запросто порвать их и выкинуть в мусорку, посчитав за хлам. Может, как обычно, спрятать все под матрас? Книги мои, утешение мое... Только вы — мои настоящие друзья этой жизни. Мне так хочется быть похожей на книжных героев — стать такой же сильной духом, обрести такую волю, чтобы преодолеть любые трудности! Возможно ли это вообще? Вот Анжелика — даже потеряв любимого человека, она не сдалась, нашла в себе силы жить дальше, несмотря на все унижения... А я бы так смогла?

Впрочем, легко сказать. От меня ведь мало что зависит.

Когда условия жизни просто кошмарные, остается только терпеть. Только терпеть, и все. Другого выхода нет! Ну а что я могу сделать? Из дома уйти не могу... Разве что в детский дом податься? Хотя там, наверное, тоже несладко. Я как-то в одной газете читала, что из детдома сбежали двое мальчишек. Предпочли бродяжничать на улице. И почему они сбежали? Неужели их там кто-то обижал? И все же сейчас мне кажется, что любое место на земле было бы лучше, чем наша проклятая квартира.

Я аккуратно выстроила книги под матрасом, а сама села на стул у окна. Оперевшись локтями о подоконник и положив на них голову, я стала безучастно смотреть на улицу. Мимо туда-сюда проходили люди, шурша листвой под ногами. Интересно, счастливы ли они? О чем думают? Ради чего живут? Что любят, а что терпеть не могут? Эх, жаль, что у меня нет дара телепатии. Во дворе бабульки как-то шушукались, что Кашпировский вон прямо через экран телевизора лечить умеет... Вот бы и мне какую-нибудь силу. Но нет во мне никаких талантов. Таким, как я, не то что сверхспособностей — обычного человеческого счастья не видать. Как говорят, кому с утра день не задался, тому и до вечера удачи не видать.

Кстати, то, что я теперь сижу за одной партой с Ильгизаром, сильно не понравилось одной однокласснице. Нет, не Алии — та-то сейчас всюю крутится возле Айбулата. В этот раз взъелась Диля, дочка нашей исторички. Кем еще это мог-

ло быть. У меня и с ее матерью, Милей Анваровной, отношения, мягко говоря, не ладятся. Хотя я и отвечаю у доски без единой запинки, пятерку она мне ставить не спешит. Наверное, поэтому история — мой самый нелюбимый предмет. Она никогда не упускает шанса унижить меня перед всем классом. То к одежде придерется, то над прической посмеется — повод всегда найдет. На днях вот всю душу мне вымотала из-за того, что у меня тетради с собой не было. Дочка ее — вылитая мать: такая же грубая и высокомерная. Ее я боюсь даже сильнее, чем Алию. По школе ходили слухи, что Диля как-то избивала одну девочку чуть ли не до полусмерти. Но поскольку ее мать — учительница, а отец — какой-то местный чиновник, все замяли, и дальше сплетен дело не пошло. Та девочка была из другой школы, так что правду теперь и не узнаешь. И вот сегодня эта самая Диля вызвала меня потолковать за школу... Я, кажется, догадываюсь, о чем пойдет речь...

Она к тому же пришла не одна, притащила с собой двух своих подруг — Гузель и Индиру. Тут мне стало по-настоящему страшно. Но я изо всех сил старалась не подавать виду. Не побьют же они меня в самом деле?

— Ну что, Миляуша... Тьфу, и надо же было такое красивое имя дать такому пугалу!

Она демонстративно сплюнула жвачку на землю. «И это дочь учительницы?» — пронеслось у меня в голове. Но предпочла промолчать. Для начала нужно было послушать, что

им вообще надо.

— Так, а теперь колись: какие у тебя отношения с Ильгизаром?

Я, в принципе, ожидала чего-то подобного. Колени предательски задрожали.

— Да какие... Никаких. Мы просто одноклассники, за одной партой сидим...

— Врешь!

— Вовсе не вру, с чего ты взяла?

Я пыталась говорить как можно тверже. Только бы они не прочухали, как мне страшно.

— А я тебе говорю — врешь! Ну-ка, Гузель, расскажи, чего ты там в парке видела!

Парк? Так вот в чем дело, оказывается...

— Мы там случайно пересеклись, — я решила перебить Гузель до того, как она успеет открыть рот.

— А Гузель говорит, вы там сидели и всю ворковали.

— А нам что, общаться нельзя?

Я уже хотела было ляпнуть, что мы с Ильгизаром вообще-то в одном подъезде живем, но вовремя прикусила язык. Лучше не бесить их лишний раз.

Мой ответ Диле, понятное дело, жутко не понравился. Она насупилась и со злобным видом двинулась прямо на меня. Я спиной вжалась в школьную стену. Лопатками почувствовала ледяной холод кирпичей — он, кажется, пробрал меня до самых костей, ведь в этот угол школы солнце почти

никогда не заглядывало...

— Лично тебе — нельзя, догнала?! — Диля подошла вплотную, нависая надо мной. — Вы посмотрите на это недо-разумение, она мне еще огрызаться тут смеет!

Гузель и Индира злорадно захихикали. Но во мне в этот раз почему-то не было ни капли желания оправдываться. Ладно, пускай лупят, если хотят. Не убьют же! А раз так, то и бояться нечего.

— Значит, догонять по-хорошему не хочешь? — проце-дила Диля.

Я оставила ее вопрос без ответа.

— Короче, на первый раз ограничиваемся предупрежде-нием. Даже если вы сидите за одной партой, общаться вам запрещено. Вне школы — особенно. Он мой.

Диля больно схватила меня за подбородок, чуть ли не вон-зая в кожу свои длинные ногти, и резко швырнула в сторо-ну. Я со всего размаху влетела коленями в покрытый мхом бетонный выступ фундамента. Боль была такой дикой, что я едва сдержала стон. Терпи, Миляуша, терпи! Перетерпи, пока они не свалят отсюда!

Довольные своей выходкой, они, мерзко гогоча, нако-нец-то скрылись из виду. Я обхватила руками испачканные колени, прижалась спиной к бетонному основанию стены и так и осталась сидеть. Наверное, в такой момент нормальный человек разрыдался бы. Но я не дала воли слезам.

Да почему в этом мире мне вообще ничего нельзя?! Раз-

ве это справедливо? Я ведь точно такой же человек, как и все остальные. В чем моя вина? Получается, теперь я даже не могу общаться с тем, с кем хочу? Ладно! Послушаюсь их, больше с Ильгизаром и словом не обмолвлюсь. Пускай делают что хотят. Верну ему книги и скажу, чтобы больше ко мне не подходил. Да и вообще, мы же всего пару раз парой фраз перекинулись. На большее я и не рассчитывала. Да и имею ли я право на что-то рассчитывать? Спустись на землю, Миляуша! Тебе не суждено узнать простых человеческих радостей. Хватит уже мечтать!

Я аккуратно поднялась на ноги. На коленях, которые встретились с сырым бетоном, остались грязные следы от мха. И как в таком виде теперь идти в класс? Только очередной раз собирать на себе насмешливые взгляды... Но и прогуливать урок из-за испачканных колготок тоже нельзя. Иногда приходится просто принимать все как есть. Я попыталась хоть немного отряхнуть колготки ладонями и быстрым шагом направилась в школу. Нужно успеть, пока не закончилась большая перемена.

Но я не успела. Урок уже начался. Вместо учительницы биологии нас почему-то встречала мать Дили — Миля Анваровна, которая смерила меня злобным взглядом. Сама Дили довольно ухмылялась, всем своим видом показывая: “Ну все, сейчас тебе прилетит” Я почувствовала себя зайцем, угодившим в капкан. А вокруг — волки. Опустив голову, я двинулась в сторону своей парты, собираясь сесть на место.

— Стоять! Тебе кто-то разрешал войти?! — от голоса Ми-
ли Анваровны у меня буквально подкосились ноги, я замер-
ла как вкопанная. — Где это ты шлялась, а, девица? Посмот-
ри на свои колени — все в грязи! Ну, объясняй.

Я промолчала. А какой смысл? Не скажу же я ей, что это
ее доченька швырнула меня на бетон. Так и осталась стоять
с опущенной головой. Но более и позорнее всего было то,
что этот кошмар происходит на глазах у Ильгизара. От это-
го стыда хотелось сквозь землю провалиться. Наверное, он
теперь и слова мне больше не скажет. Да и пусть! Я ведь и
сама решила с ним больше не разговаривать. Но до чего же
обидно вот так, ни за что, оказываться крайней. К горлу под-
ступил комок, в глазах закипели слезы. Только не плакать,
только не плакать!

В этот момент чья-то книга со звонким шлепком полетела
на пол. Краем глаза я заметила, как все обернулись назад.

— Это еще кто там хулиганит?! — рывкнула учительница.

— Ильгизар, ну ты и напугал... — раздался притор-
но-сладкий голосок Дили.

— Ильгизар, разве так можно? — надо же, как нежно, ока-
зывается, умеет разговаривать Миля Анваровна. Ну еще бы,
перед ней ведь не кто-то, а сын коммерсанта. Да вдобавок
парень, на которого ее доченька всюю глаз положила.

— Извините, Миля апай! Случайно вышло... — отозвал-
ся он.

“Апай” говорит...(“апай” значит “тетя”- примечание ав-

тора) Диля, походу, не просто так по нему сохнет, они явно давно знакомы. В груди неприятно кольнуло.

— Миля Анваровна, кстати, отец вам привет передавал, — как бы между прочим добавил Ильгизар. — Сказал, что тот товар, о котором вы просили, скоро прибудет...

— Хорошо, хорошо, Ильгизар, я поняла... — в голосе исторички проскользнули нотки явного смущения. — Потом об этом поговорим, ладно?.. Так, пора начинать урок. Миляуша, ты чего застыла? Живо садись на место! Но учти, о твоём поведении я ещё доложу классному руководителю.

Слава богу, на этот раз я отделалась легким испугом. Если бы Ильгизар не перетянул все внимание на себя, она ещё пол-урока у доски распинала бы меня. Или заставила бы прямо у двери весь параграф наизусть рассказывать. А я ведь к сегодняшнему уроку абсолютно не была готова. Думала на перемене быстренько глазами пробежаться, да Диля со своими разборками все планы спутала.

Имею ли я право сейчас себя жалеть? Жалость к себе — удел слабых. А я не могу быть слабой. Нельзя! Но настроение все равно было испорчено окончательно. Ладно хоть Ильгизар будто все понял без слов. Не то что Айбулат, который обязательно начал бы нудить и докапываться: “Что случилось? Да почему?” Я ведь совсем не умею делиться тем, что на душе, да и какой смысл ему рассказывать? Я же говорила: меньше всего на свете мне нужна чья-то жалость.

После уроков я твердо решила: сделаю все что угодно,

лишь бы не пересекаться с соседом по парте и уж тем более не возвращаться с ним домой вместе. И я направилась в библиотеку. Туда-то Ильгизар уж точно не придет. Затерявшись между книжными стеллажами, я принялась разглядывать полки с зарубежной литературой. И вдруг прямо сквозь щель между полками поймала на себе чей-то пристальный взгляд. У меня аж сердце екнуло! Да и как можно было перепутать эти глаза с чьими-то еще?!

Прижав выбранные книги к груди, я поспешила выйти из этого лабиринта. Но Ильгизар тут же перерезал мне путь (ну вот что это за дурацкая привычка у него?!).

— Ты что, бегаешь от меня? — с легкой усмешкой спросил он. — Свободна сейчас? Ты ведь обещала мне помочь...

Да он же меня просто под танки толкает! Если сюда сейчас завалится Дилия или ее подружки, следующая встреча одними разговорами уже точно не закончится. Но и отказать Ильгизару, раз уж дала слово, я тоже не могла.

— Прямо сегодня? Прямо сейчас?

— Прямо сегодня и прямо сейчас было бы в самый раз, — он сделал шаг ближе. — И не забывай: ты теперь за меня в ответе...

Хмм... Вот, значит, как. И чего этот парень добивается? Неужели ему правда так нужна помощь в учебе, или он просто играет со мной? Но как бы там ни было, отступать уже поздно...

— Ладно, пошли тогда. Давай вон туда, в угол, — я кив-

нула в сторону столов в дальнем углу читального зала. — Полчаса своего времени я готова тебе посвятить.

— Полчаса... Ну, идет.

Ильгизар небрежно швырнул портфель на стол у окна, скинул джинсовку и повесил ее на спинку стула. И как бы между прочим повел плечами, напрягая мускулы. Он что, вообще решил меня добить?! Я тут же испуганно отвела глаза в сторону. Стараясь больше на него не смотреть, я села рядом.

— Так, доставай тетрадь по алгебре.

Ильгизар на удивление послушно выложил все на стол.

— Давай сначала домашние задания сделаем.

С максимально деловым видом я тоже полезла в сумку за тетрадью. Вот только ручку свою найти никак не могла. Пришлось чуть ли не с головой зарыться, судорожно перерывая все внутри.

— Чего ищешь?

— Ручку не могу найти...

Вот уж точно, беда пришла откуда не ждали. На новую у меня совсем денег нет... И тут на мою тетрадь с тихим шорохом что-то посыпалось. Я подняла голову — прямо передо мной лежали пять или шесть разных классных ручек.

— Пользуйся. Это тебе в знак благодарности за помощь.

— Ого, спасибо большое. Но мне и одной хватит.

— Нет-нет, забирай все, ладно?

Я даже не нашлась что ответить. Но время поджимало,

и меня все сильнее накрывала паника: вдруг в библиотеку сейчас заявится кто-то из одноклассников, особенно Дилия со своей бандой...

И все же от мысли, что могу быть полезной Ильгизару, я была на седьмом небе от счастья. Украдкой, искоса разглядывала его лицо. Мне до безумия хотелось протянуть руку и убрать за ухо непослушную прядь его волос, которая постоянно падала ему на глаза. До чего же он все-таки красивый. И этот нереальный парень сидит сейчас со мной, совсем близко... Я отчетливо чувствовала дорогой запах его духов. Этот аромат щекотал ноздри, пьянил и кружил голову. Имею ли я — такое чучело — вообще право сидеть с ним рядом? От меня ведь никакими духами и близко не веет. Я незаметно принюхалась к собственному рукаву: фу, пахнет домашней едой и варевом. Мне стало так тошно и стыдно перед самой собой. Я даже неосознанно попыталась отодвинуться от Ильгизара подальше. Скорее бы уже закончить с этой домашкой...

Ильгизар протянул мне свою тетрадь.

— Посмотри, правильно? Сделал все ровно так, как ты объяснила.

Я взглянула на страницу. Его аккуратный, ровный почерк был идеальным — под стать хозяину. Я быстро пробежалась глазами по строчкам.

— Все правильно, молодец! У тебя отличные способности, схватываешь буквально на лету!

— Ну ладно тебе, не захваливай, — Ильгизар улыбнулся.
— Это ты, Миляуша, очень понятно объясняешь. Мне кажется, из тебя получился бы классный учитель...

От его похвалы на душе сразу стало так тепло и радостно.

— Так, хорошо. Давай скорее разберем вторую задачу, а то мне уже домой пора...

— Зачем торопиться? Вместе и пойдем, мы же в одном доме живем.

«Нет-нет, только не вместе! — запаниковала я про себя.
— Этого мне еще не хватало».

— Я тебя не съем, не бойся, — Ильгизар внимательно посмотрел на меня. — Ты почему-то постоянно пытаешься от меня сбежать. Я тебе что, совсем не нравлюсь?

От этого внезапного вопроса я чуть ручку не выронила. Почувствовала, как предательски запылали уши, а дыхание мгновенно перехватило... Как теперь взять себя в руки? Пытаясь скрыть дрожь в пальцах, я принялась судорожно перелистывать учебник. Главное — успокоиться! Чтобы поскорее прервать эту неловкую паузу, я заставила себя заговорить:

— А разве это важно? Тема нравится — не нравится в наших отношениях вообще не имеет значения.

Сказать-то я это сказала, а у самой сердце готово было из груди выскочить.

— Ладно, давай вернемся к домашке. В отличие от тебя, я своему времени не хозяйка. Мне нужно переделать кучу дел

до прихода мамы. Да и у тебя, наверное, своих забот дома хватает...

— Отец говорит, что моя главная обязанность — это хорошая учеба.

— А кто бытом занимается?

— Женщина одна приходит. Она и убирает, и готовить помогает.

Я мысленно присвистнула. Ну ничего себе! Коммерсанты, что с них взять... Впрочем, это их дело. Мне-то какая разница?

— А, вот оно как. Ну, мы не из породы торгашей, у нас прислуги нет, так что все приходится делать своими руками.

— Это сейчас что было? Укол в мой адрес? — Ильгизар удивленно приподнял бровь.

— Вовсе нет, — буркнула я. — Это просто ваша жизнь. Каждый живет как хочет.. и может..

Кроме меня, горько подумала я. Моя возможность жить так, как хочется мне самой, пока казалась лишь тусклым миражом..

Глава 5

...Из школы мы все-таки вышли вместе. Ладно, кто увидел — тот увидел. Я шла на пару шагов позади Ильгизара и просто не могла оторвать глаз от его широких плеч и густых чёрных волос, блестящих, словно шелк. В носу до сих пор стоял приятный аромат его парфюма. Правильно ли я вообще делаю, вот так тайно разглядывая его со спины?

На очередном перекрестке я решила резко свернуть вправо и быстро зашагала по тротуару между двумя домами. Лишь бы Ильгизар не успел заметить мой маневр... Но судьба, похоже, сегодня твердо решила отыграться на мне по полной. Прямо возле подъезда мой взгляд наткнулся на ту самую «святую троицу»... И Гузель смотрела точнехонько в мою сторону. Я сама не заметила, как испуганно зыркнула туда, где шел Ильгизар. Гузель мгновенно проследила за моим взглядом. Она тут же наклонилась и что-то шепнула Индире, а та передала Диле. В ту же секунду все трое уставились на меня в упор. Я поняла: попала. Что теперь делать? Куда бежать? Если рвану наутек, они взбесятся еще сильнее. Поэтому я решила просто идти дальше. Может, при людях на улице они не посмеют ко мне лезть.

Поравнявшись с ними, я вежливо кивнула в знак приветствия и попыталась пройти мимо.

— Эй!.. — окликнула меня Дия. Ну конечно, разве она могла просто так отпустить меня на все четыре стороны? — Сюда иди!

Пришлось развернуться и подойти к ним. Повеяло табачным дымом. Я даже не удивилась, об их курении и многие знали

— Куришь? — Дия протянула мне сигарету.

— Нет, спасибо, девчонки. Я не курю.

— Это еще почему?

Они обступили меня плотным кольцом с трех сторон. В этот момент Гузель снова что-то зашептала Дие на ухо. Дия ехидно улыбнулась и нависла надо мной:

— Ничего, мы тебя научим. А то я смотрю, ты себя тут самой умной и смелой считаешь, выше нас прыгнуть хочешь...

Они подхватили меня под руки и повели к лестнице, ведущей в подвал на углу дома. Сопrotивляться не посмела. Замок на подвальной двери оказался не заперт. Индира просто скинула его и распахнула дверь. Среди бела дня, и ведь вообще ничего не боятся... Что они со мной сделают? Мне даже думать об этом было жутко. В подвале оказалось сыро и холодно. Паника уже начала накрывать меня с головой

«Дия, я не понимаю, почему вы до меня докопались? Что вы мне сделали?» — вертелось на языке, но я предпочла промолчать. Какой смысл?

Индира прикрыла за собой дверь. Гузель встала рядом с ней. Передо мной осталась только Дия. Ее взгляд, полный

ядовитой насмешки, словно говорил: «И как же мне посильнее поиздеваться над этой тварью?» Я вжалась в бетонную стену, боясь даже вздохнуть. Диля кивнула Гузель. Та достала из кармана куртки пачку сигарет, прикурила одну и передала ей. Диля сделала глубокую затяжку, подошла ко мне вплотную и выдохнула едкий дым прямо мне в лицо. Я инстинктивно попыталась закрыться рукой, но она тут же с силой ударила меня по ладони. Еще одна затяжка — и снова дым в лицо. Я мучительно задохнулась. В следующую секунду Диля ткнула сигарету мне прямо в губы:

— Кури!

Я не посмела сопротивляться. Втянула в себя воздух через этот окуроч. Горький дым заполнил рот, горло, легкие, ударил в нос, дыхание мгновенно перехватило. Я снова зашла в кашле. Как люди вообще курят эту отраву, да еще и добровольно... Окуроч вывалился из моих губ прямо на грязный, покрытый пылью подвальный пол.

— Подняла! И обратно в рот!

Мне до безумия захотелось разрыдаться. Ну за что они опять ко мне лезут? Кончится это когда-нибудь вообще или нет?!

— Девочки... Пожалуйста, отпустите меня... Мне правда домой надо! — взмолилась я. Но по их глазам я четко видела: это только самое начало.

— Подняла, кому говорю! Я начала медленно опускаться, дрожа всем телом... Здесь все вокруг буквально воняло пле-

сенью и мочой, и одна мысль о том, что придется взять этот окурок в рот, вызывала дикую тошноту. Но Дилю, которая нависла надо мной и готова была наброситься в любую секунду, я боялась еще сильнее. И тут кто-то из них подставил мне подножку. Я не удержалась и с глухим стуком повалилась на бок, сильно поджав под себя правую руку. В ту же секунду мне мертвой хваткой вцепились в волосы и резко дернули назад. Кто-то наступил ногой прямо мне на спину. Правая рука оказалась зажата под моим же телом и жутко заныла. Напротив меня на корточки присела Диля, широко расставив ноги, пока одна из ее подружек с силой тянула меня за волосы, заставляя задрать голову вверх.

— Ты чё, утреннее предупреждение за шутку приняла? — процедила Диля, заглядывая мне в лицо. — Я же ясно сказала: чтобы близко к Ильгизару не подходила!

Значит, все-таки увидели... Господи, чем же это все сейчас закончится?..

— А ты знаешь, они в библиотеке около получаса вдвоем ворковали? — подала голос Гузель. Ее довольный тон раздался совсем рядом — кажется, это именно она держала меня за волосы. Я не могла даже пошевелиться. И сколько они собираются держать меня в этом положении?

— Чего притихла? Язык проглотила? — Диля злобно прищурилась. — Когда с Ильгизаром воркуешь, рот не закрывается! Ну-ка, поднимите ее!

Гузель и Индира грубо рванули меня вверх и снова швыр-

нули спиной к стене, крепко заломив руки с обеих сторон. Неужели сейчас начнут бить?.. Да и что я вообще могу сделать? Что им сказать? Глупо даже надеяться, что в этих тварях вдруг проснется хоть капля жалости. Вся одежда теперь в грязи и пыли. Если мама увидит это, она же живого места на мне не оставит, еще и от себя добавит... От одной только мысли об этом меня передернуло. Похоже, мои мучения сегодня вообще не закончатся. Мало мне этих девиц, так дома еще получу по полной программе за поздний приход и пустую кастрюлю на плите. Но куда мне бежать, если не домой?.. Эти мысли проносились в голове с быстротой молнии. А Дия, так и не дождавшись от меня ответа, окончательно потеряла терпение. Она, как и утром, больно схватила меня за подбородок, вонзая длинные ногти мне в щеку

— Чего молчишь? Думаешь, если будешь играть в молчанку, это тебя спасет?

Я собрала в кулак все остатки мужества, стараясь не сжиматься под ее тяжелым взглядом. Пускай бьют, если хотят. Тело они мне покалечат, но дух мой им все равно не сломать. К побоям мне не привыкать.

— И что, побьешь меня и легче станет? — я со злостью посмотрела ей прямо в глаза. — Я же тебе уже сказала: между мной и Ильгизаром ничего нет. Раз он тебе так нравится, иди и скажи ему это в лицо. Или ты просто завидуешь, что он общается со мной, а не с тобой?

Я выпалила это и тут же пожалела. Теперь Дия точно

озвереет. И правда — лицо этой наглой девицы после моих слов аж побелело. Похоже, я наступила ей на самую болезненную мозоль. Она лишь молча кивнула своим подружкам. Те снова швырнули меня на пол и принялись безжалостно пинать ногами. Я сжалась в комок, изо всех сил закрывая лицо руками, чтобы удары не пришлись по лицу.

— Ладно, хорош, много чести для этой потаскухи на сегодня. Нам еще в одно место успеть надо, — скомандовала Дия.

Побои прекратились. Неужели наконец-то свалят?

— Учти, Миляуша, не думай, что ты легко отделалась! За свои гнилые слова ты мне еще ответишь...

Они брезгливо сплюнули прямо на меня и наконец исчезли из подвала. С одной стороны, я была безумно рада, что они наконец оставили меня в покое (если в моей ситуации вообще можно радоваться), но с другой — мне было до ужаса страшно возвращаться домой. Собрав последние силы, я поднялась на ноги и попыталась отряхнуть одежду... Идти вроде могу, кости целы. Эх, хоть бы мамы не было дома. Хоть бы она еще не вернулась с работы. Интересно, сколько сейчас времени?.. Господи, ну за что моему телу столько мучений? Ладно хоть по лицу не попали.

Я, кривясь от боли при каждом шаге, кое-как побрела к выходу. Лишь бы они не заперли меня снаружи. К моему счастью, дверь подвала оказалась открытой. Наверное, уже около шести вечера? Мама с минуты на минуту явится. Даже

если я сейчас доковыляю до двери, ужин приготовить уже точно не успею... Все тело ныло, но еще сильнее горела и выла от обиды душа. Только бы сейчас никого из знакомых во дворе не встретить, только бы никто не увидел меня в таком позорище...

И только бы не встретить Ильгизара. Показаться ему на глаза в таком убогом виде для меня равносильно смерти... Я медленно, крадучись приблизилась к подъезду. Во дворе вроде никого. Подняла голову и посмотрела на окна нашей квартиры на втором этаже. Горит свет. Ну все, мне хана. Мои наверное дома...

Боясь даже представить, что меня сейчас ждет, я нырнула в темноту подъезда. Каждый шаг по ступенькам давался с диким трудом. Но сверху кто-то спускался, и я замерла. Только бы не Ильгизар, господи, только не он... Но судьба, похоже, решила устроить мне сегодня проверку на прочность по полной. И вот на лестничной площадке прямо передо мной вырос именно он.

— Миляуша, привет! Я не понял, ты куда это делась, вроде шла за мной...

Я решила сделать вид, будто не замечаю его, лишь бы скорее проскочить мимо. Но он, судя по всему, впал в настоящий шок от моего внешнего вида и мгновенно осекся на полуслове.

— Миляуша, эй! Что произошло?

Я уже успела подняться на пару ступенек выше него. Стыд и унижение буквально душили меня изнутри. Хоть бы он ослеп прямо сейчас и не видел этого позора! Его искреннее беспокойство только сильнее выворачивало душу наизнанку.

— А даже если и произошло, тебе-то какая разница? Шел куда шел — вот и иди!

— Нет, постой, скажи нормально: тебя кто-то обидел?

— А если скажу, ты пойдешь и разберешься с ними?

То, что он на секунду замялся и растерялся, жутко меня взбесило. И надо же было мне так влюбиться именно в него! «Не сотвори себе кумира» — не зря ведь люди говорят. Я через силу побрела дальше вверх. И вдруг Ильгизар буквально в один прыжок взлетел по ступеням и перегородил мне путь. Видно, я сильно задела его мальчишеское самолюбие.

— Говори, кто с тобой так поступил!? — в его голосе прорезалась глухая злость.

— Не скажу.

— Говори быстро!

— Да отстань ты от меня, Ильгизар! Пропусти, мне домой срочно надо...

— Не уйдешь, пока не скажешь!

— А с какой стати я должна тебе что-то говорить? Ты мне никто, и я тебе никто. — Выплюнула я ему это прямо в лицо. Ну что ж сам напросился! — Вот ты сегодня днем спрашивал, не нравишься ли ты мне... Так вот знай, Ильгизар, ты

мне не нравишься! Терпеть не могу таких мажоров, как ты. А тебя — особенно видеть не хочу! Свали с дороги!

Когда я кидала эти слова ему в лицо, сердце бешено заколотилось. Оказывается, это такая адская мука — сознательно рубить концы с тем, кого любишь... Но так будет лучше. Для нас обоих.

Он так и остался стоять, оглушенный моими словами, а я пулей влетела в квартиру. В этот момент мне было уже абсолютно плевать, кто попадется на моем пути. Пускай хоть до полусмерти избыют — все равно. Пока я стаскивала обувь и куртку, в прихожей нарисовалась мама. Ну все, сейчас начнется. Я сжалась, готовясь к привычному потоку бранной ругани.

— Где тебя до сих пор носило?

— В школе.

— Почему так долго?

— Учительнице помочь надо было. Стенгазету к Осеннему балу рисовали...

— Ты вообще видишь, который час?

— Вижу.

— Раз видишь, почему сразу домой не шла?

— Вот пойдی у учительницы и спроси. Чего это вы мою дочь не отпускали... — огрызнулась я.

Я попыталась протиснуться мимо нее, чтобы уйти в комнату.

— Ты как с матерью разговариваешь?! Ишь, огрызаешься!

Я тебе сейчас быстро язык укорочу!

Я даже не посмотрела на нее. «Делай что хочешь», — мысленно махнула я рукой и зашагала вглубь квартиры. Договорить она не успела — из кухни донесся пьяный рев отца:

— Насимаааа! — Мама, что-то злобно бормоча себе под нос, тут же развернулась и ушла к нему. Я шумно, облегченно выдохнула. Похоже, сегодня ей будет не до меня. Какое счастье, что она не успела заметить мою испачканную одежду, иначе я бы так легко точно не отделалась...

Глава 6

Походы в школу теперь превратились в настоящую казнь. С одной стороны Диля со своими девками сверлит меня уничижающим взглядом, с другой — Ильгизар буквально пилит злыми глазами. А мне хочется только одного: стать невидимкой, чтобы они меня в упор не замечали. Я безумно жалею, что мы так глупо поссорились с Ильгизаром. Но обратного пути уже нет. А ведь мысль о том, что мы могли бы стать друзьями, так согревала мне душу...

Айбулата Алиа вообще от себя не отпускает. Тот тоже хорош — вдруг сблизился с ней и теперь заглядывает ей в рот, будто преданный пес. Парни — вообще народ ненадежный, что и говорить. А с остальными у меня как-то не клеится. Я осталась абсолютно одна. Ну и ладно, так мне и надо! Но до чего же это тяжело, до чего паршиво на душе — словами не передать. Даже учиться стало неинтересно. Оценки покатились вниз.

Уже подкрадывается конец второй четверти. В конце концов классная руководительница оставила меня после уроков на разговор:

— Миляуша, скажи честно, что с тобой происходит? Ты же училась на одни пятерки.

Я привычно стояла, уставившись в пол. Ну и как мне оправдываться?

— Миляуша, ну-ка подними голову, посмотри на меня. Расскажи, что случилось? Дома обижают?..

Я мотнула головой. Как раз дома в последнее время все было относительно тихо. Отец почти не пил, наконец-то нашёл работу. Но вместо того чтобы радоваться, я ходила сама не своя, словно мешком прибитая. Чувствовала себя такой одинокой и бесконечно никому не нужной.

— Миляуша! — учительница вздохнула и мягко коснулась моего плеча. — Этот год для тебя решающий. Ты ведь умная девочка, сама все понимаешь. Ну-ка возьми себя в руки! Твое будущее решается прямо сейчас. Тебе кровь из носу нужно поступить и учиться дальше. Если ты хочешь изменить свою жизнь, вырваться из этого — ты обязана учиться. Будь сильной! Не сдавайся! Чего бы это ни стоило — терпи! Я знаю, в каких тяжелых условиях ты живешь, знаю характер и отца, и матери. Мне тебя безумно жаль. Но именно поэтому ты должна стараться в сто раз сильнее остальных. Ни на кого не смотри, не слушай чужих сплетен, поставь себе цель и думай только о ней! А я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе при поступлении.

Из кабинета я вышла уже совсем с другим настроением. Слова учительницы будто разогнали многовековую тьму в моей душе. Действительно, с какой стати я сама себе подножки

ставлю? Если уж смогла вытерпеть столько дерьма в жизни, то с мелким точно справлюсь. Как сказал один умный человек: пока ты жив, из любой ситуации можно найти выход.

Все-таки как много значит для человека одно доброе, теплое слово. С того самого дня я снова превратилась в прежнюю Миляушу. И начала учиться с каким-то яростным, отчаянным рвением, решив во что бы то ни стало закрыть четверть на одни пятерки. Лишь бы только по истории четверка не вылезла. Я долго думала, стоит ли просить помощи у классной, и в итоге решилась. Миле Анваровне это, понятное дело, жутко не понравилось, она даже отчитала меня в конце одного из уроков. Но пойти против классной руководительницы все равно не смогла.

И если эта победа меня по-настоящему радовала, то приближение Нового года только вгоняло в тоску. В школе, как всегда, всюду гремела суета вокруг новогоднего маскарада. Поскольку наш класс был выпускным, наши решили устроить вечер в стиле «Голубого огонька». Я сразу твердо решила: не пойду. Красивого, нарядного платья у меня все равно нет. Торчать там, завидовать другим девчонкам и лишний раз портить себе настроение не хотелось. Предупреждать учительницу заранее тоже не стану — опять начнет расспрашивать и докапываться. А мне не хочется ни оправдываться, ни сочинять небылицы. Когда придет время, просто сошлюсь на головную боль, да и дело с концом.

Вторая вещь, которая до сих пор скребла душу — это, ко-

нечно же, Ильгизар. Мы так и продолжали сидеть за одной партой. Пересесть от него было бы идеальным вариантом, но свободных мест в классе просто не оставалось, да и начини я просить об этом, сразу поползли бы лишние вопросы. А мне меньше всего хотелось привлекать к себе внимание. Так что приходилось делить с ним одну парту. Вот только, несмотря на то, что мы сидели плечом к плечу, между нами зияла настоящая пропасть. Он демонстративно не смотрел в мою сторону, я — в его. Если бы вы только знали, какая это была пытка... Дилия и ее верные шавки — Индира с Гузель — все еще караулили каждый мой шаг, ловили каждое мимолетное движение. Мое тело все еще помнило силу их ударов. Поэтому я делала все возможное, чтобы свести вероятность любого общения с Ильгизаром к абсолютному нулю.

На классном часу, во время самого последнего урока в этой четверти, я открыла дневник и замерла: внутри лежал какой-то клочок бумаги. Испуганно зыркнула по сторонам. К счастью, все сейчас смотрели только на классную, которая зачитывала итоговые оценки. От кого это? Я осторожно, с замиранием сердца снова приоткрыла дневник. Нет, сейчас разворачивать и читать записку нельзя. Вот закончатся уроки, останусь одна — тогда и посмотрю. А в голове уже всю шел шторм: от кого она может быть? Айбулат? Вряд ли. С тех пор как его прибрала к рукам Алия, мы почти не общаемся, ограничиваемся дежурными фразами. Может... от Ильгизара?.. Да нет, бред какой-то. Мы уже столько време-

ни даже не здороваемся. Мои жестокие слова тогда наверное сильно его задели. Теперь мы враги, прямо как Диля и мечтала. После каникул надо будет кровь из носу попросить пересадить меня на другое место. Кстати, хоть я ему больше и не помогала, мой сосед по парте вдруг взялся за ум и начал упорно заниматься, молодец какой. Классная даже похвалила меня перед всеми: «Вон как на него положительно Миляуша повлияла!». Знала бы она, какая черная кошка между нами на самом деле пробежала. Впрочем, мне плевать. Как там учится Ильгизар — это его личное дело. У меня своих проблем выше крыши. Вот только что мне делать с тем, что творится в собственном сердце? Как вытравить из себя эти чувства? Задачки по алгебре я могу щелкать как семечки, одну за другой, а вот разгадать эту проклятую головоломку внутри себя мне никак не под силу...

А впереди — Новый год. И следом за ним каникулы. Все вокруг наперебой обсуждают подготовку к празднику. Сегодня мне волей-неволей пришлось весь день слушать, кто где и с кем собирается тусоваться. Эх, для кого-то эта дата — веселое событие, а для меня — одно из самых тоскливых дней в году. У нас даже телевизора дома нет, а если бы и был, разве посидишь перед ним спокойно? Если отец устроит очередную пьянку, тут уж точно не до праздников будет. Про подарки я вообще молчу. Их нет. Никогда не было и не будет.

Едва прозвенел звонок с последнего урока, я пулей помча-

лась в школьный туалет, заперлась в кабинке и трясущими-
ся руками достала из дневника сложенный вчетверо листок.
От кого же он? Я разворачивала записку и всем сердцем, до
дрожи умоляла судьбу, чтобы это было от Ильгизара. До че-
го же мне невыносимо без общения с ним... И зачем только
я тогда не смогла прикусить свой паршивый язык? Если по-
думать, в чем вообще его вина? Был ли в моей жизни хоть
один человек, кроме него, кому я была по-настоящему ин-
тересна?..

Мои надежды рухнули. Записка в дневнике была вовсе не
от Ильгизара и даже не от Айбулата. И чёрт меня дёрнул то-
гда ляпнуть Диле про её зависть! Поскольку после подвала
они меня больше не трогали, я наивно полагала, будто они
окончательно отвязались. Но нет. Именно сегодня, в самый
последний день четверти, они назначили мне новую встре-
чу. Написали: если не приду, они на всю школу пустят слух,
будто я сплю с парнями за деньги. Эту грязную сплетню они
пообещали пустить завтра, прямо на новогоднем вечере.

Меня затрясло крупной дрожью. Что же они со мной сде-
лают на этот раз? К тому, что меня клеймят дочерью алкаша,
я уже как-то привыкла — успела нарастить броню. Но как
вынести позор, если меня объявят подстилкой?!

Глава 7

— Да как я должна доказать, что между мной и Ильгизаром ничего нет?! Скажи, Дия!

— Я смотрю, ты вообще страх потеряла и в себя поверить успела, — Дия процедила это сквозь зубы. — Мало тебя в прошлый раз поколотили, видать.

Неужели этот проклятый подвал станет моей могилой? Холод пробирал до самых костей.

— Знаешь, Миляуша, это уже вообще не важно, — Дия сделала шаг вперед. — Но вот что мне реально не нравится, так это твоя наглость... С какой стати ты вообще смеешь мне тут огрызаться? Я тебе еще в прошлый раз сказала: за свои гнилые слова придется ответить. Сегодня ты получишь заслуженное наказание за свою гордыню.

Увидев, как Гузель и Индира медленно двинулись на меня, я просто закрыла глаза. Почувствовала себя мышью, забившейся в самый угол. Будь что будет. Ну как я одна смогу отмахаться от троих? Но в этот раз Всевышний, кажется, услышал мои безмолвные молитвы. Дверь подвала с грохотом отлетела в сторону, и внутрь шумно ввалилось несколько человек.

— Батюшки, а вы чего тут забыли?! Курите тут, что ли? А ну-ка марш отсюда, живо! — зычно прикрикнул самая пер-

вая.

Диля со своими девками, судорожно пряча лица в воротники курток, пулей вылетели наружу. Я же не двинулась с места. Прекрасно понимала: если выйду сейчас вслед за ними, они меня прямо во дворе и зажмут.

— А ты чего стоишь, не выходишь? — окликнула меня та же с зычным голосом

— Я боюсь... — тихо выдохнула я.

— Кого?

— Тех девчонок.

До этого дня я еще никогда и никого не закладывала. Но в этот раз мне почему-то отчаянно захотелось излить душу кому-нибудь. Я в двух словах обрисовала ей ситуацию. Женщина посмотрела на меня с искренней жалостью и, костеря на чем свет стоит мастера, который погнал их проверять трубы прямо перед самыми праздниками, крикнула сантехникам:

— Вы тут осматривайтесь пока, а я девчонку провожу!

Правильно ли я поступила, рассказав ей все — не знаю, но получать очередные побои мне хотелось меньше всего... Ладно хоть жила я совсем рядом, а то мне уже стало дико неудобно, что я нагрозила своими проблемами эту незнакомую, посланную мне самим небом женщину.

У своего подъезда я тепло попрощалась с тетей Магрифой (так ее звали) — от нее так и веяло душевным теплом, —

и даже не забыла поздравить ее с наступающим Новым годом. Все-таки здорово, что на свете есть такие добрые, святые люди.

Теперь главное — чтобы дома не ждал очередной кошмар... Я резко толкнула входную дверь подъезда, и в эту же секунду оттуда пулей вылетел Ильгизар. От неожиданности я шарахнулась назад, но он на всем ходу врезался в меня, и мы вместе полетели на заснеженную землю прямо перед крыльцом. Он оказался сверху, а я снизу. Тяжелый, оказывается, какой. Он смотрит на меня, я — на него. Лицом к лицу. Я прямо кожей чувствовала его частое, прерывистое дыхание.

— Эй, ну-ка слезь с меня, пока нас кто-нибудь не застал...
— я не выдержала и прыснула со смеху.

— Ой, Миляуша, прости! Кто ж знал, что ты прямо за дверью стоишь... — Ильгизар смущенно улыбнулся, быстро вскочил на ноги и тут же протянул мне руку: — Ты как, ничего себе не отбила?

Я ухватила за его ладонь и, оперевшись о спинку стоявшей рядом скамейки, поднялась на ноги. Пятая точка, конечно, ныла от удара, но решила об этом промолчать.

— Куда это ты так летел?

Радость от того что мы наконец разрушили наше ледяное молчание с ним буквально переполняла меня. Еще бы: во-первых, я спаслась от Дили, а во-вторых — прямо передо мной стоял Ильгизар.

— Да отец хлеб купить забыл, вот я и выскочил, бегу в магазин... А ты чего так поздно? Снова в библиотеке засиделась?

— Ну да...

Правду ведь ему ни за что не расскажешь.

Я собрала в кулак всю свою смелость. Поняла, что именно сейчас — самый подходящий момент, чтобы извиниться перед ним.

— Слушай... Ты это... прости меня за те слова, что я тебе тогда наговорила...

Взгляд Ильгизара мгновенно стал серьезным.

— А знаешь, ты меня тогда и правда сильно задела. Но ладно, я готов тебя простить. Может, расскажешь наконец, что в тот день стряслось?

— Это уже не важно. Мне пора, извини, а то замерзла совсем. Если еще дольше тут простоим, мама может в окно выглянуть.

Меня всегда поражало его поведение. В школе он превращался в совершенно другого Ильгизара — ходил сам по себе, ни с кем толком не общался. Несколько парней пытались к нему набиться в друзья, но из этого ничего не вышло. Зато девчонки вечно вились вокруг него толпами, особенно Диля, которая таскалась за ним буквально как хвост. Я понимала, что из-за того, что у нее не получалось пробить его броню и найти путь к его сердцу, она и вымещала всю свою злость на мне.

В школе Ильгизар со мной почти не разговаривал, но стоило нам вот так, случайно, столкнуться один на один, он никогда не пропускал возможности заговорить. Я до сих пор не могла разгадать его характер. То ли он просто по-соседски выделял меня из всех, потому что мы живем в одном подъезде, то ли ему было меня элементарно жалко. Он ведь прекрасно видел и слышал, в каких условиях я живу. С нашей первой встречи он то и дело возникал у меня на пути. Если бы он просто молчал, мне было бы гораздо легче. По крайней мере, я бы не растрачивала душу на пустые иллюзии. А так — я волей-неволей продолжала на что-то надеяться.

Как бы мне ни хотелось побыть рядом с ним еще хоть минутку, я понимала, что задерживать парня, которого послали по делу, просто неприлично. Поэтому я быстро повернулась и юркнула в теплую темноту подъезда.

На новогодний вечер в школу я так и не пошла. Из-за этого на душе было как-то паршиво. Пользуясь моментом, я переделала все дела по дому, а потом просто валялась с книжкой. Дома никого не было — сплошное блаженство. Интересно, Ильгизар ходил? Впрочем, какое мне дело. Диля, небось, вырядилась в самый лучший наряд. Наверняка их с Ильгизаром выбрали королем и королевой бала. Представляю, как Диля сейчас на седьмом небе от счастья сияет. От этих мыслей мне чуть ли не плакать хотелось. Но я ведь прекрасно понимаю: в этой жизни мало что зависит от меня.

На данный момент я даже собственной жизнью не распоряжаюсь. Остается только терпеть и ждать.

Тридцать первого числа мне окончательно надоело торчать в четырех стенах, и я решила прогуляться до центральной площади, посмотреть на городскую елку. Мой братишка Булат оттуда вообще не вылезает, целыми днями на горках пропадает. Отец уже вовсю начал праздновать. Мама ушла в гости к подружкам по работе.

На площади было не протолкнуться: куча детворы, подростки, уже немного подвыпившие взрослые. Я примостилась на самом краю площади и стала просто наблюдать, как народ веселится. Эх, вот бы прокатиться вон с той, самой высокой ледяной горы! Весело же, наверное! Я присмотрелась к толпе на вершине и заметила Булата. Они с пацанами как раз собирались скатиться веселым паровозиком. Щеки у всех покраснелись — и как только за весь день не замерзли?

В эту самую секунду кто-то резко схватил меня за руку и буквально поволок за собой в сторону горок. Я мгновенно узнала эту дубленку и шапку: Ильгизар! Господи, а если нас кто-нибудь увидит?! Здесь ведь наверняка полно наших одноклассников! Но я все равно послушно бежала за ним следом. Вот мы добежали до ступенек. Он легонько подтолкнул меня вперед, и мы начали карабкаться вверх. Мимо нас, пихаясь и толкаясь, шумно проносились детвора. И вот мы на самом верху.

— Ну, чего ты ждешь?! Давай вниз! — крикнул Ильгизар

и сам с ветерком улетел по ледяному желобу.

Меня уже начали подталкивать сзади. Я присела и аккуратно тронулась с места. Горка была такой высокой, что у меня аж дух перехватило. Морозный воздух больно щипал щеки, скорость была бешеной, а сердце внутри испуганно и радостно заходило от мысли, что внизу меня ждет Ильгизар... Пока долетела до самого конца, успела врезаться, кажется, во всех, кто стоял на пути.

— Ну как тебе? — подбежал он.

Я отошла подальше от льда и поправила сползающую на глаза шапку. Ильгизар смотрел на меня и открыто улыбался.

— Уф, я уже сто лет с таких горок не каталась. Если бы ты меня насильно не утащил, так бы и стояла в углу площади

Я посмотрела на него и тоже улыбнулась. Пожалуй, это был вообще первый Новый год в моей жизни, когда у меня вдруг появилось по-настоящему праздничное настроение.

— Пошли, у меня бенгальские огни есть!

Он снова взял меня за руку и повел к краю площади. Что вообще происходит? Эта новогодняя ночь была полна каких-то невероятных чудес. Я не стала сопротивляться и послушно пошла за ним. Человек искренне хочет подарить мне радость — ну как тут устоять? Мы отошли туда, где было потише. Ильгизар достал из кармана шуршащий пакетик, а из него — бенгальские огни.

— На, держи!

В другом кармане у него отыскался коробок спичек. Он принялся поджигать их один за другим. палочки зашипели, рассыпая вокруг яркие искры. Я вытянула руки подальше от себя и, затаив дыхание, заворуженно смотрела, как они горят. Но догорели они слишком быстро. Видимо, на моем лице отразилось разочарование.

— Ладно, не кисни! У меня есть штука получше, — Ильгизар с хитрой улыбкой полез в карман дубленки и вытащил оттуда массивную коробку.

Фейерверк! Настоящий салют!

— Отец для продажи закупал, ну я одну коробку и прихватил по-тихому.

— И где мы его запускать будем? В центре города точно нельзя...

— Пошли на окраину.

— Так далеко же!

— Ну ты фейерверк увидеть хочешь?

— Еще спрашиваешь! Я же никогда в жизни салют так близко не видела!

— Раз хочешь — тогда пошли. Минут за тридцать обернемся.

— Ну ладно, давай!

И вот мы оказались в глухом переулке на самом выезде из города. После грохочущей, пьяной площади здесь стояла оглушительная, сказочная тишина — ни единой души во-

круг. Ильгизар спустился к обочине дороги и надежно закрепил коробку фейерверка в сугробе. Чиркнул спичкой и поднес огонь к фитилю. Сам тут же взлетел обратно на дорогу, и мы отбежали еще на пару метров в сторону. Вдруг первый залп со свистом взмыл высоко в черное небо и... с оглушительным грохотом рассыпался на тысячи сверкающих звезд, озарив все вокруг ярким светом. От неожиданности я даже громко вкрикнула.

— Ну ты чего кричишь, маленькая что ли... — Ильгизар расплылся в улыбке.

А в это время в небо взмыл второй залп, третий, четвертый... Небо озарялось невероятными, сменяющими друг друга красками, и как тут было не восхищаться, не кричать от восторга? Я чувствовала себя Золушкой, которая чудом попала на бал. Вот только салют сейчас догорит, волшебство этой ночи растает, мы вернемся в свои квартиры, и меня снова с головой затянет моя беспросветная реальность...

Сама не понимая, что творю, я порывисто обняла Ильгизара:

— Ильгизар, я так тебе благодарна! Ты даже представить себе не можешь... насколько.

И снова наши взгляды встретились. Он наклонил голову ко мне, а я смотрела на него снизу вверх, не в силах отвести глаз... Наши лица были так близко... Господи, что я делаю? Зачем я его обняла?! Осознав всю неловкость своего поступ-

ка, я резко оттолкнула его от себя. Парень от неожиданности даже едва не полетел в сугроб.

— Ой, Ильгизар, я случайно... Прости меня, пожалуйста. Мне было дико стыдно даже просто посмотреть на него.

— Да ладно тебе, бывает... — Он отряхнулся. Похоже, мой спутник даже не придал этому особого значения.

— Ладно, пошли обратно, уже поздно.

Я развернулась и зашагала в сторону города. Праздник кончился. Карета превратилась в тыкву. Я мысленно проклинала себя за эту минутную слабость: что теперь Ильгизар обо мне подумает? Испортила такой вечер...

— Миляуша, стой, ну подожди же! — Ильгизар быстро догнал меня.

А во мне в эту секунду вдруг вспыхнула какая-то глухая злость на него. Ну вот зачем, зачем он постоянно возникает на моем пути?! Почему разговаривает со мной, устраивает такие фейерверки? Ради чего все это?! Да, моя жизнь тяжела, но все привычно, своим чередом, я ко всему уже привыкла. А он ворвался в мое существование и перевернул весь мой мир, все мое сердце вверх дном. И как мне теперь с этим жить? Человек — существо ненасытное, и я, как оказалось, не исключение. Мне уже казалось мало этих случайных встреч и пустой болтовни ни о чем. Мне хотелось гораздо большего.

Хотелось... чтобы он стал моим.

Поближе к дому, мы остановились. Со всех сторон слышны были голоса празднующих, город не спал. Илгизар обернулся ко мне. Наши взгляды встретились. И вдруг он произнес с придыханием:

— С Новым годом, Миляуша! Пусть все твои желания исполнятся!

Я опешила. И горько усмехнулась, отвечая:

— Спасибо... Хотя разве у таких, как я, желания вообще сбываются?..

— А ты верь. В этом мире нет ничего сильнее веры.

— Тебе легко говорить... Но... раз уж ты так сказал, приму твое поздравление. Тебя тоже с праздником! Пока!

Я повернула во двор, собираясь поскорее дойти до своего подъезда. Из окон доносились веселые голоса, играла музыка... Все готовились проводить уходящий 1997 год. В эту ночь каждый пытался урвать хотя бы капельку счастья. Говорят же: как Новый год встретишь, так его и проведешь... Вот только внутри меня все кричало от противоречий. Всего час назад я чувствовала себя самой счастливой на свете, а прямо сейчас — ощущала себя самой несчастной.

— Миляуша, постой... Я тут подарок тебе приготовил.

Подарок?! Илгизар сегодня прямо сыпал сюрпризами. Он подбежал и внезапно вложил в мою ладонь круглый, гладкий и прохладный предмет. Я раскрыла усыпанную снегом рукавицу: это оказался — стеклянный шар со снегом внут-

ри! Вот уж от кого-кого, а от этого пижона я точно не ожидала ничего.

— Не понимаю... Подарок... Мне? От тебя?..

— Да, а чему ты удивляешься? Ты ведь помогла мне с учебой, вот, в знак благодарности...

«Помогла с учебой, надо же... Всего один раз ведь посидели. Издевается он, что ли?» — закрутилось у меня в голове.

— Будь счастлива, Миляуша! Несмотря ни на что, ТЫ имеешь полное право быть счастливой!

Он резко развернулся и зашагал прочь, оставив меня одну в заснеженном дворе.

Глава 8

За все каникулы я его так ни разу и не увидела. По крайней мере, мы нигде не пересеклись. Наверное, уехал куда-нибудь отдыхать, кто знает... Они ведь люди совсем другого круга, у них деньги водятся, наверное, и родня, возможно, у него дружная... Оказалось, я вообще почти ничего о нем не знаю, ведь я никогда ни о чем его не расспрашивала. Впрочем, наши встречи всегда происходили так внезапно и заканчивались так быстро, что на расспросы просто не оставалось времени.

Да и если подумать: спроси я его о чем-то, он мог бы просто уйти от ответа. Но если нам суждено столкнуться еще раз, я обязательно должна все разузнать. А главное — почему он так хорошо ко мне относится? Вот этого я никак не могла взять в толк. Внешность у меня самая заурядная, семья на самом дне социальной лестницы... С чего вдруг он проявляет такую заботу и пытается меня порадовать? Я обязана это выяснить! (Ведь в новогоднюю ночь он подарил мне настоящее праздничное чудо! И если об этом узнает Дия со своей компанией, или вообще хоть кто-нибудь разведает, мне точно жизни не дадут!)

За это время мама дважды меня побила. Первый раз —

за то, что я слишком долго возвращалась с улицы после библиотеки (когда я вижу книги, я напрочь теряю счет времени и забываю обо всем на свете). Во второй раз я просто попалась ей под горячую руку, когда отец силой отобрал у нее последние деньги и ушел в запой. К этим побоям я уже начала относиться как к чему-то совершенно обыденному. В жизни бывают вещи, на которые ты никак не можешь повлиять.

Наверное, никто во всей школе не ждал первого учебного дня третьей четверти так сильно, как я. Я не просто шла — я буквально летела туда на крыльях. Если бы вы только знали, как я спешила в кабинет! Сердце яростно колотилось в груди, меня то бросало в жар, то обдавало холодом. Вбежав на третий этаж, я резко замерла у дверей класса. Нет, стоп, сначала нужно успокоиться! Щеки так и пылали, в таком взвинченном виде входить нельзя. Чтобы хоть немного перевести дух, я отошла к окну.

В эту самую секунду рядом со мной вырос Айбулат. Мы с ним последние месяц почти не разговаривали. Наверняка он на меня обижается, и имеет на это полное право. Что ни говори, во всем классе он всегда был на моей стороне, никогда не стыдился нашей дружбы. А я? Стоило мне потерять голову из-за Ильгизара, как я сразу стала к нему безразлична, разве нет? И какая я после этого подруга? Неужели это правильно — отвернуться от единственного верного друга только ради того, чтобы уступить место Алии?

— Привет, Миляуша! Ну, рассказывай, как каникулы провела? — спросил Айбулат.

— Привет, Айбулат! Да так, ничего особенного. Все как обычно, — улыбнулась я.

Я была искренне рада, что он сам подошел и заговорил со мной. Сердце наконец-то перестало бешено скакать. Пока Алиа нас не заметила, у нас есть шанс пообщаться.

— Ты меня вообще стороной обходить стала, с тех пор как нас с Алией вместе посадили... — в голосе Айбулата послышалась неподдельная обида.

— Прости меня, пожалуйста, Айбулат! — искренне выдохнула я.

Айбулат ведь не знает, что после того разговора с Алией я твердо решила держаться от него подальше. Вот и сейчас: я стою, разговариваю с ним, а сама краем глаза непрерывно оглядываю лестничную площадку — мне совсем не хочется лишний раз нарываться на конфликт с Алией. Да и Дили с ее вечными угрозами мне уже выше крыши хватает.

И тут на лестнице показался Ильгизар. Мое только-только успокоившееся сердце снова бешено начало стучать. Буквально на секунду наши взгляды пересеклись. Он бросил на стоявшего рядом со мной Айбулата тяжелый взгляд исподлобья и угрюмо зашел в кабинет. Ах, этот его вечный высокомерный вид!.. Душа у меня ушла в пятки. Дыхание мгновенно сбилось. Чтобы Айбулат, который все еще стоял рядом, вроде ни о чем не догадался, я резко отвернулась к ок-

ну. Оперлась руками о подоконник и сделала пару глубоких вдохов, пытаясь прийти в себя.

— Миляуша, что с тобой? Тебе плохо, что ли? Ты прямо на глазах побелела... — встревожился Айбулат.

Эх, Айбулат! Знал бы ты, какой ураган сейчас бушует в моей душе! Многие девчонки мечтают влюбиться, а мне это чувство приносит лишь боль. И как мне теперь жить со всем этим безумием внутри?!

Я сделала еще один глубокий вдох, нацепила на лицо фальшивую улыбку и повернулась к другу:

— Все в порядке, Айбулат! Честно, все хорошо, не переживай! Ладно, пошли в класс, скоро звонок...

Едва переступив порог кабинета, я снова взглянула в сторону Ильгизара. А он сидел и в упор, не отрывая глаз, смотрел на нас с Айбулатом. И взгляд его показался мне по-настоящему яростным. На кого он злится? Такая резкая перемена в его поведении меня окончательно запутала. Я тихонько подошла к парте и села на свое место. Он даже головы в мою сторону не повернул. Сказать, что у меня упало настроение — ничего не сказать. Было ощущение, что весь мой мир только что разлетелся в щепки. Перед глазами до сих пор стояла новогодняя ночь, ведь тогда Ильгизар был совершенно другим человеком. Что могло случиться за эти несчастные две недели каникул? Может, он уже сто раз пожалел, что пускал со мной салюты и дарил подарки? Эх, надежда — все-

таки самая жестокая вещь на свете! За эти две недели я успела навоображать себе бог весть что. Похоже, пришло время реальности расставить все по своим местам. Ну и ладно. Мне не привыкать. Переживу.

Раз Ильгизар демонстративно меня не замечал, я тоже сделала вид, что его не существует. Более того, на переменах от меня ни на шаг не отходил Айбулат. Алии сегодня по какой-то причине в школе не было, поэтому я со спокойной совестью и от всей души общалась со своим старым другом — мы даже успели поболтать о прочитанных книгах. Но стоило нам время от времени столкнуться с Ильгизаром взглядами, как я отчетливо видела в его глаза самую настоящую ненависть. Да что с ним, черт возьми, происходит?! Что случилось? Нет, это уже переходит все границы. Внутри меня самой начала закипать глухая злость. С какой стати он так на меня смотрит?! Что плохого я ему сделала? Он сам ко мне полез, сам первый заговорил, вечно крутился у меня на пути! Я у него ничего не просила и ничего не требовала! Я из-за него, в конце концов, в подвале от шестёрок Дили побои вытерпела, а он теперь смотрит на меня так, будто я его злейший враг!

После уроков я заскочила в библиотеку, сдала несколько книг и сразу пошла домой. Ильгизар мне по пути не попался. Да и плевать, пусть катится на все четыре стороны! Проживу и без него. Моя главная цель — окончить школу, посту-

пить в институт и начать наконец самостоятельную жизнь. Не до любви мне сейчас! И все равно на душе скребли кошки. Разум отчаянно воевал с сердцем. Пытаясь хоть как-то разложить мысли по полочкам, я и не заметила, как дошла до дома.

Шагнув в подъезд, я споткнулась на ровном месте и едва не полетела на пол. Мысленно чертыхнулась. И ради чего, спрашивается, я так судорожно ждала этот первый день после каникул? Я дико разозлилась на саму себя за то, как караулила Ильгизара у окон. Дура! На что я вообще надеялась?!

В эту самую секунду кто-то железной хваткой перехватил мою руку и резко дернул на себя. Это был Ильгизар — тот самый, который весь день в школе строил из себя оскорбленную невинность и пилил меня полным ненависти взглядом.

— Чего надо? — грубо, даже не поздоровавшись, бросила я.

Он промолчал и лишь продолжал буравить меня глазами.

— Ильгизар, я тебя вообще не понимаю, — не выдержала я. — Что случилось-то? Ты весь день на меня смотришь так, будто прибить готов...

— Что у тебя за тёрки с Айбулатом? Выкладывай! — процедил он.

Вот это новости. Какое ему вообще дело до Айбулата?

— Мы просто друзья!

— Вообще-то девчонки обычно с девчонками дружат... А

ты, я смотрю, по пацанам специализируешься...

— Ты на что намекаешь, Ильгизар? Мы с Айбулатом сто лет дружим.

«Пока Алия между нами не встала...»

— Может ты влюблена в него? — он придвинулся ближе. В этот момент мне стало искренне смешно. Я? В Айбулата? Влюблена?

— Да ты с ума сошел. Говорю же, мы просто друзья.

— Рассказывай сказки... Пацан с девчонкой никогда просто так дружить не будет.

— И что ты этим хочешь сказать? — я с вызовом посмотрела на него. — Как тогда, по твоей логике, называются наши с тобой отношения?

Ответа я так и не услышала. Скрипнула входная дверь подъезда, и я испуганно метнула взгляд в сторону лестницы. Тут же сделала вид, будто просто спокойно поднимаюсь к себе.

— Привет, сынок, из школы идешь? На, поддержи пакеты. Купил вот копченую рыбу, как ты любишь... Я там с утра еще картошку отварил...

Это, похоже, отец Ильгизара? До этого я его ни разу не встречала. Я прибавила шаг. Надо же, как мягко и тепло отец разговаривает со своим сыном. В душе уколола горькая зависть. Сколько же в его голосе было родительской нежно-

сти и любви. И я еще на такого парня умудряюсь свои права качать!

Я забежала в квартиру и сразу прильнула к дверному глазку, наблюдая, как они поднимаются по лестнице. А из головы все не выходил этот наш дурацкий разговор в подъезде. Ну вот с какой стати он докопался до Айбулата? Ему что, не нравится, что мы общаемся? Он что... ревну-ет? Да с чего бы ему ревновать? «Пацан с девчонкой никогда просто так дружить не будет!» — и что он вообще имел в виду? В голове крутилась тысяча вопросов, но ни одного ответа.

— Ну и чего ты там застыла у двери? Чего в квартиру не заходишь?

От резкого голоса мамы я аж вздрогнула. Поспешно скинула куртку и прошла в комнату. «Привет, доченька, ты из школы? Как прошел день?» — именно так нормальная мама встретила бы своего ребенка после учебы. Вот только от моей ждаты такого было бесполезно.

— Хватит там мух ловить, переодевайся быстро! И пойді разузнай, где твоего папашу черти носят, найди его!

Ну что за день! Еще так сильно есть хотелось. Но раз мама приказала, разве попрешь против нее? Вон, отец Ильгизара сейчас кормит сына нежным пюре со вкусной рыбой. А я, не съев за весь день ни крошки, должна в такой собачий холлод тащиться на улицу и искать по подворотням своего алкаша-отца. Ну никакой справедливости нет в этом прокля-

том мире!

Отца я искала по всем дворам, а он, оказывается, спокойно спал у собутыльника из соседнего подъезда. Два часа я, голодная и промерзшая до костей, слонялась по чужим подъездам в этих дурацких поисках. Вернувшись домой, я наспех перекусила чем бог послал, прибралась на кухне и села за уроки. Вот только из головы никак не выходил тот разговор с Ильгизаром. Нет, завтра я обязательно во всем разберусь и расспрошу его, иначе я просто сойду с ума от этой неизвестности.

Утром Айбулат снова караулил меня у окна в школьном коридоре. Что бы там вчера ни нес Ильгизар, я не могу просто взять и начать игнорировать своего друга. Я подошла и поздоровалась с ним. Но Айбулат сегодня выглядел темнее тучи. Ну а с этим-то что стряслось? Меня уже откровенно задолбало работать штатной жилеткой для парней: с одной стороны Ильгизар изводит меня своими придирками, с другой — Айбулат киснет.

— Миляуша! Я задам тебе один вопрос, но ты должна ответить мне чистую правду! — с ходу выдал он.

— Какой еще вопрос? Что случилось, Айбулат? Ты меня пугаешь.

— Что у тебя с Ильгизаром? Какие между вами отношения?

С Ильгизаром?! Что он имеет в виду? Откуда он вообще узнал? Кто ему рассказал?

— С Ильгизаром? Да между нами вообще ничего нет! Кто тебе нашептал эту глупость?

— Это не важно, — отрезал Айбулат. — Но просто знай: дружба с ним до добра тебя не доведет.

Он резко развернулся, подхватил стоявший у подоконника рюкзак, закинул его на одно плечо и ушел, оставив меня в полном шоке.

Ильгизар опять демонстративно меня не замечал. Айбулат тоже сидит мрачнее тучи. Да что с ними обоими стряслось? Вдобавок ко всему Миля Анваровна весь урок истории только меня и гоняла по параграфам — видимо, до сих пор не переварила, что перед новым годом классная выбила мне пятерку. Но сегодня я была готова железно, поэтому на каждый ее вопрос отвечала без единой запинки. Какую оценку она там в итоге выставила и выставила ли вообще... Если честно, мне глубоко плевать. Меня сегодня куда больше волнует странное поведение этих двух одноклассников. Хотя, может, я просто сама слишком много накручиваю.

Глава 9

Уроки закончились. Я дома. Сегодня, слава богу, дошла без приключений. Отперла дверь ключом, переступила порог — и в нос сразу ударил тяжелый, удушливый перегар. Похоже, отец снова устраивал дома похмельные посиделки. Из ванны разило застарелой мочой так, что к горлу мгновенно подкатила тошнота... Уф, опять унитаз драить. Ну почему моя жизнь вечно превращается в это дерьмо, а? То отмывай за отцом последствия его пьяного угара, то тащи на балкон проветривать обоссанный матрас.

Я натянула резиновые перчатки, плеснула в тазик с водой «Белизны» и принялась оттирать унитаз. Заодно до блеска вымыла саму ванну, кафель на стенах и пол. Распахнула все форточки, чтобы хоть немного выветрить этот кошмар. Прощлась влажной тряпкой по всем комнатам, кухню тоже стороной не обошла. Как бы паршиво мне ни было, до безумия любила чистоту. Прекрасно понимала, что никто эти мои старания не оценит и спасибо за уборку не скажет. Не привыкать, дело житейское. И все равно в груди каждый раз обидно сжималось... Господи, хоть бы раз мама просто обняла и сказала: «Доченька, как хорошо, что ты у меня есть». Хоть бы один-единственный разок... До чего же паршиво чувствовать себя чужой для собственной матери...

Грязь вокруг себя отмыть можно, а вот как вычистить ту грязь, что скопилась на душе?

И возможно ли это вообще?

Отец снова появился пьяным. Мама сегодня ушла в ночную смену.

— Насима! Насима! Где ты там, черт тебя дери?! — орал он с порога.

Я нехотя вышла в прихожую.

— Мама на работе.

Зрелище у двери было омерзительным. От ежедневного беспробудного пьянства лицо отца превратилось в одну сплошную отекающую маску. И в довершение всего — он опять был в ужасающем, скотском состоянии.

— Дочка, это... я тут немного делов натворил... — пробормотал он, едва держась на ногах.

Больше всего на свете я ненавидела эти моменты. Если он сейчас в таком виде усядется на диван, мне потом снова достанется от мамы. Я закрыла входную дверь и подошла к нему вплотную:

— Ладно, снимай куртку. Переодеваться надо.

Он, шатаясь из стороны в сторону, попытался расстегнуть молнию, но только порвал ткань. Кое-как я дотащила отца до дивана и повалила его на подушки. И в эту самую секунду его пальцы с силой вцепились в мое запястье, дергая к себе. Тяжелый, удушливый запах перегара ударил в лицо. В

его безумных, мутных глазах мелькнуло что-то дикое, животное... Меня будто током ударило. По спине пополз ледяной ужас.

Я резко отпрянула от него, вскочив на ноги. С омерзением швырнула в него домашнее трико, которое держала в руках, и бросилась вон из квартиры. С какой стати я вообще должна за ним ухаживать?! Пускай мама бьет меня потом, пускай делает что хочет — мне плевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.